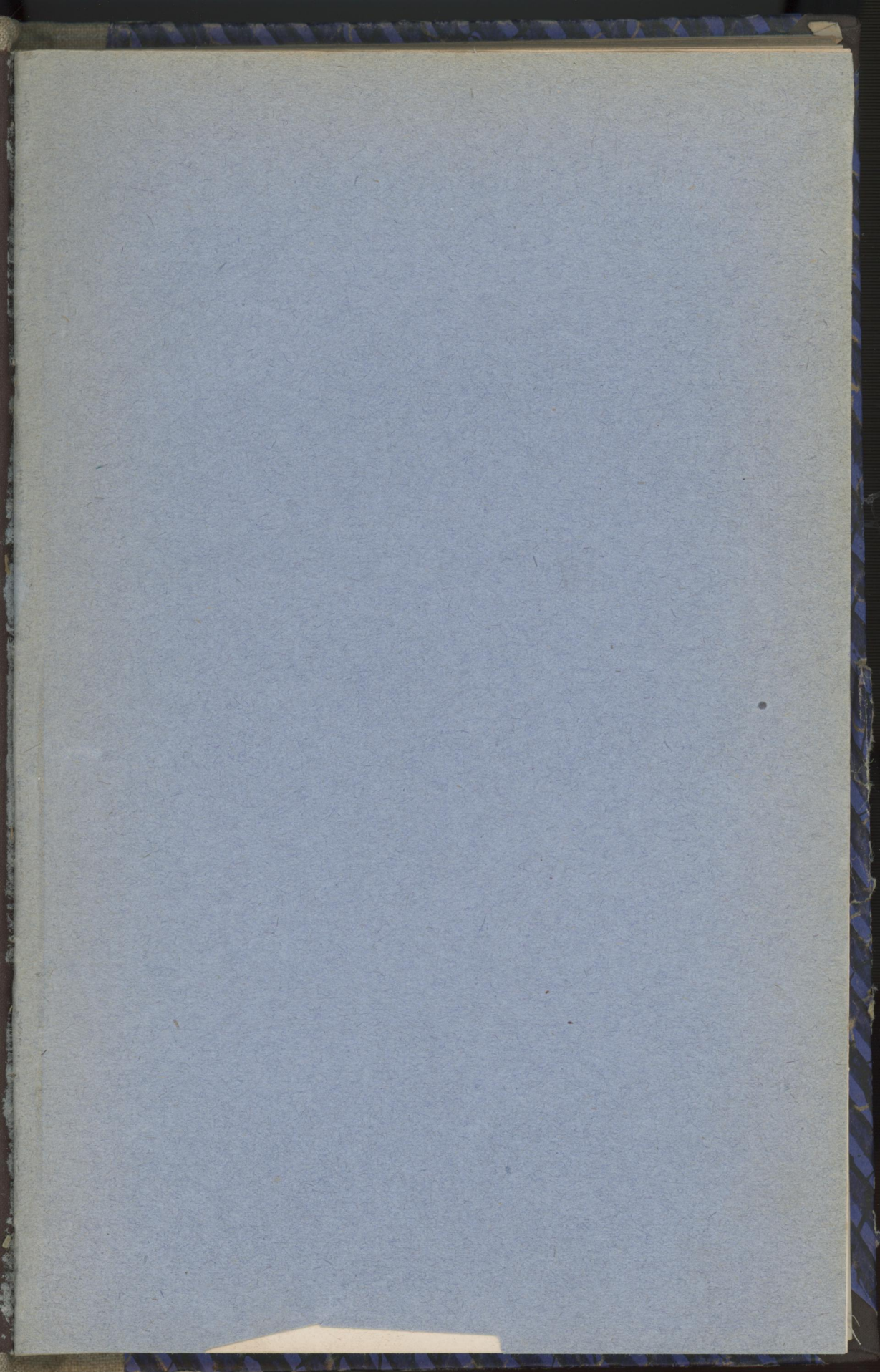

483836.

ИСТОРІЯ

~~И. 3786.~~

АДВОКАТУРЫ

У ДРЕВНИХЪ НАРОДОВЪ.

483836

1034

А. С т о я н о в а.

ПРОВЕРЕНО
1918 1918

ЦЕНТРАЛЬНА
= НАУКОВО-УЧБОВА =
БІБЛІОТЕКА.

~~1918
20.10.19~~

592 (214)

145

ХАРЬКОВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

1869.

58

Проверено
1918 1918

1883. IV

Напечатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Харь-
ковскаго Университета.

Ректоръ В. Кочетовъ.

1883. IV

1883. IV

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА
ХНУ ІМЕНІ В.Н. КАРАЗІНА
2018 р. 2

У многихъ писателей прошлаго и даже настоящаго столѣтій встрѣчается мысль, будто адвокатура есть одно изъ древнѣйшихъ и всемирныхъ учрежденій. Миѣнія такіа весьма характерны. Въ нихъ ясна завѣтная идея добраго стараго времени о естественномъ правѣ, космополитическія свойства котораго опредѣляются единствомъ источника, т. е. разума человѣческаго. Такъ, за-долго до энциклопедистовъ, практическій законовѣдъ Ламуаньонъ, въ спорахъ съ суровымъ Пюссоромъ (Pussort), доказывалъ, при обсужденіи проекта устава 1670 года, что «адвокатъ дается обвиняемому не въ силу ордоннансовъ, но по естественному праву, которое древнѣе всѣхъ человѣческихъ законовъ». Черезъ сто двадцать лѣтъ послѣ этой рѣчи, Максиміліанъ Робеспьеръ съ особенною энергіею отстаивалъ вольную адвокатуру. «Право это (имѣть защитника) опирается на основныхъ началахъ разума человѣческаго», говоритъ вождь революціи: «въ сущности оно есть неотчуждаемое и естественное право. Откажите мнѣ, или тому, кого я изберу какъ достойнѣйшаго, въ защитѣ моего имущества, моей чести, жизни и свободы,—и разомъ ниспровергнете вы священный законъ есте-

ственной справедливости, со всеми правилами общественного порядка». Не удивительно, если менѣ радикальный и болѣе ученый сотрудникъ одной изъ лучшихъ энциклопедій XVIII столѣтія приложилъ философскія идеи своего вѣка къ исторіи адвокатуры. «Происхожденіе этой профессіи, по мнѣнію автора, современно цѣлому міру... Гдѣ только жили люди, тамъ необходимо появлялись адвокаты» и т. д. Извѣстный законовѣдъ первой имперіи, Мерленъ, почти дословно повторяетъ своего предшественника. Не менѣ извѣстный законовѣдъ конституціонной Франціи, Дюпенъ, присоединяетъ предположеніе, будто «у евреевъ, египтянъ, персовъ и халдеевъ, тройная роль адвоката, судьи и законодателя совмѣщалась въ одномъ лицѣ». Наконецъ, въ ближайшее къ намъ время, авторъ весьма хорошей монографіи о римской адвокатурѣ, думаетъ, что адвокатская дѣятельность современна первому суду и первому процессу¹. За исключеніемъ словъ Ламуаньона и Робеспьера, приведенныя мнѣнія и предположенія высказаны въ изслѣдованіяхъ о французской и римской адвокатурѣ. Проявляется желаніе: найти въ общей картинѣ мѣсто для частнаго историческаго явленія. Дѣло сводится къ вопросу: есть ли адвокатура всемірное, космополитическое учрежденіе? Вотъ почему, и въ настоящемъ случаѣ, разсмотрѣнію новой адвокатуры можно предпослать изслѣдованіе о томъ-же предметѣ у древнихъ народовъ. Слѣдующій выпускъ будетъ посвященъ спеціальному изложенію исторіи французской адвокатуры.

¹ См. *Encyclopédie méthodique. «Jurisprudence»*. 1782.—*Merlin, Répertoire universel et raisonné de jurisprudence*, 4-ème édition. 1812.—*Dupin, Encyclopédie du droit*, 1842.—*Grellet-Dumazeau, Le barreau romain*. Paris. 1851.—Ср. *Dalloz*, T. 1, p. 459: On ne peut douter, même en remontant à des temps presque fabuleux, que partout... le barreau soit venu... se placer, à côté de la justice comme une institution corrélatrice etc. За-тѣмъ авторъ указываетъ на судопроизводство у египтянъ, персовъ и халдеевъ.

I.

ВОСТОКЪ.

Обратимся сначала къ Египту. Какія данныя представляетъ намъ гражданственность страны этой? Здѣсь ученый Дюпенъ смѣло предполагаетъ классъ людей, которые «помогали совѣтомъ, перомъ, а нерѣдко краснорѣчивымъ словомъ, не только частнымъ лицамъ, но и всему государству».

Отрывочныя свѣдѣнія о египетскомъ процессѣ опираются главнымъ образомъ на показаніяхъ Діодора. Лишь въ наше время, изученіе папирусовъ и памятниковъ искусства прибавляетъ нѣсколько новыхъ фактовъ къ матеріалу, доставленному древнимъ писателемъ. Что-же читаемъ мы у Діодора сицилійскаго? Верховный судъ, составленный фараонами изъ жрецовъ, имѣетъ характеръ постоянной комиссіи. Юстиція — гибкое и послушное орудіе въ рукахъ всемогущей политической власти. Письменное производство опредѣлено для разбора гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Словесныя пренія передъ судьями запрещены для самыхъ тяжущихся. Уже изъ этого можно заключить, что въ египетскомъ судѣ не должно быть мѣста для адвокатовъ. Но дальнѣйшій текстъ Діодора вполне подтверждаетъ то наблю-

деніе, что закрытый и письменный процессъ трудно совмѣщается съ адвокатурой. Рѣшительно утверждаетъ умный грекъ, что египтяне не желали имѣть защитниковъ на судахъ своихъ. Рѣчи ораторовъ, по ихъ мнѣнію, скорѣе затемняютъ, чѣмъ уясняютъ дѣло. Обаяніе краснорѣчія и слезы подсудимыхъ мѣшаютъ истинѣ и ослабляютъ строгость законовъ. Правосудіе выигрываетъ отъ трезваго и прямаго обсужденія каждого дѣла¹.

Что-же скажутъ намъ новѣйшія изслѣдованія? Еще въ 40-хъ годахъ настоящаго столѣтія, заявлено предположеніе, будто европейскою династією лагидовъ введена адвокатура въ Египтѣ. Но содержаніе папирусовъ, которые разобраны учеными, разъяснило сущность дѣла. Изъ перевода, сдѣланнаго Пейрономъ, видно, что въ царствованіе Птолемея Эвергета II-го дѣйствительно допускалась адвокатская защита². Но на какихъ судахъ, въ какой формѣ и по какимъ дѣламъ? Тяжба, записанная въ туринскомъ папирусѣ, идетъ между воиномъ греческаго происхожденія и жрецомъ низшаго разряда. Дѣло о незаконномъ присвоеніи имущества разбирается особою комиссіею изъ депутатовъ отъ военнаго сословія (всѣ съ греческими именами), подъ предѣлательствомъ губернатора (номарха). За по-

¹ *Diodor. lib. 1. 75.* Causidicorum enim oratione multum juri caliginis offundi arbitrabantur... Rebusque se nude consideratis exactiorem fore dijudicationem... Тамъ-же читаемъ мы слѣдующую характеристику египетскаго судопроизводства: «Mos fuit, ut actor singulatim scripto exhiberet et crimen, et facti modum... Reus contra... ad singula scriptum opponere» etc. Ср. любопытное совпаденіе взгляда на адвокатуру у Филанджіери. Ср. также Утопію Т. Мора и маѣнія казуистовъ.

² См. *Henri, L'Egypte Pharaonique. 1842.* — *Thonissen, Etudes sur l'organisation judiciaire de l'Egypte. 1868.* Въ послѣднемъ трудѣ представлено извлеченіе изъ перевода папирусовъ въ «*Memorie della reale Accademia delle scienze di Torino, T. XXXI, Classe di scienze morali, p. 9—188.*

дачею прошенія и объясненіями сторонъ, выступаютъ защитники (тоже греки — Филоклесъ и Динонъ) и обмѣниваются письменными мнѣніями (мемуарами). Послѣ этого, судъ постановляетъ свое рѣшеніе. Присмотримся теперь къ другимъ, не менѣе любопытнымъ источникамъ¹. Работы Деверіа и Шабаса знакомятъ съ судебными папирусами изъ эпохи Рамзеса III. Здѣсь передъ нами уголовная комиссія изъ военныхъ и придворныхъ сановниковъ, созданная царскимъ указомъ по дѣлу объ оскорбленіи величества. Обвинительный актъ, написанный отъ лица самого фараона, опредѣляетъ смертную казнь для подсудимыхъ, прежде чѣмъ состоялся разборъ дѣла. «Развѣ преступленіе ихъ не очевидно для меня; пусть-же погибнуть смертію», заключаетъ царственный обвинитель. Процессъ ведется съ поспѣшностью, которая особенно изумляетъ, если сообразить важность дѣла. За опредѣленіемъ виновности каждаго изъ подсудимыхъ (между ними были женщины изъ царскаго гарема и иностранцы) слѣдуютъ въ судебномъ папирусѣ такіа выраженія: «и былъ приведенъ къ судьямъ,—найдень виновнымъ, преданъ казни». Члены суда, заподозренные въ снисхожденіи, присуждаются къ казнямъ со всѣмъ семействомъ. А все это достаточно объясняетъ, почему въ процессѣ нѣтъ допроса свидѣтелей и адвокатской защиты.

Такимъ образомъ, ни постоянные суды Мемфиса, Оивъ и Гелиополя, ни чрезвычайныя комиссіи не представляли, въ теченіе многихъ тысячелѣтій, никакихъ обезпеченій для подсудимаго. Защита, какъ исключеніе, допускалась по правилу объ особой подсудности, которое извѣстно не одному египетскому своду. Немаловажную роль играетъ то обстоятельство, что, съ VI столѣтія до Р. Х., войска фараоновъ наби-

¹ Ср. *Journal Asiatique*, T. VI, p. 242. Здѣсь находится подстрочный переводъ туринскаго папируса, сдѣланный Деверіа и сведенный съ знаменитымъ папирусомъ Ли и Роллена (*Lee and Rollin*), который комментированъ Шабасомъ.

рались изъ грековъ. Но къ чему допустили привилегированныхъ наемниковъ, въ томъ могли отказать природнымъ подданнымъ — потомкамъ рабовъ, которые строили пирамиды. Далѣе: изъ судебного папируса птолмеевскаго періода видна защита по однимъ гражданскимъ дѣламъ. Между тѣмъ до сихъ поръ остается вопросомъ — распространялась ли привилегія адвокатской защиты на дѣла уголовныя? Теперь доказано, что лагиды были крайне осторожны въ нововведеніяхъ и боялись налагать руку на коренныя учрежденія Египта. Многое въ древнихъ уставахъ земли этой было выгодно для эпигоновъ Александра. Не даромъ извѣстная розетская надпись величаетъ птолмеевъ богами, подобно тѣмъ раболѣпнымъ похваламъ, которыми испещрены стѣны лабиринта и еиваидскихъ храмовъ. Есть основаніе предполагать, что лагиды были непрочъ идти по слѣдамъ рамзесовъ при разборѣ тѣхъ случаевъ, которые касались интересовъ деспотіи. Повсюду судъ и политическое устройство состоятъ между собою въ тѣснѣйшей связи. Начала государственной жизни служатъ краеугольнымъ камнемъ для судебныхъ учреждений. Недостатокъ твердыхъ обезпеченій въ основныхъ законахъ исключаетъ такіа-же гарантіи на судѣ. Изъ всѣхъ этихъ соображеній слѣдуетъ отрицательный выводъ для адвокатуры въ Египтѣ. Основными началами въ законодательствѣ были — негласность и неустность процесса. Коренною формою судебной защиты остались — письменныя (и притомъ двукратныя) возраженія истцу, или обвинителю, со стороны отвѣтчика, или обвиняемаго, но безъ участія адвокатовъ.

Есть между восточными народами такіе, у которыхъ допускалось словесное разбирательство на публичномъ судѣ. До сихъ поръ еще, по словамъ Бенфея, удержался подобный процессъ въ тѣхъ частяхъ Индіи, куда менѣе всего проникали иностранцы. Не отыщется ли первообразъ восточной адвокатуры въ сводѣ Ману? Не подтвердятъ ли брамины мнѣнія, будто «про-

исхождение адвокатской профессіи современно міру? — Сводъ Ману не безъ основанія считается однимъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ. Между массою статей, своеобразныхъ до причудливости, встрѣчаются такія, гдѣ несомнѣнны признаки юридическаго здравомыслія. Но напрасны были бы поиски въ богатомъ отдѣлѣ индійскихъ законовъ о судоустройствѣ и судопроизводствѣ. Ни Кольбрукъ, ни Бенфей, который во многомъ принимаетъ выводы англійскаго ученаго, не рѣшаются дѣлать предположеній о браминской адвокатурѣ. И только у одного извѣстнаго писателя (Боленъ) есть указаніе, будто въ Индіи существовали адвокаты. Германскому ученому извѣстна одна драма, гдѣ представленъ индійскій процессъ. Кромѣ членовъ суда и чиновниковъ, безъ которыхъ не обходится ни одинъ трибуналъ въ мірѣ (предсѣдатели, ассесоры и т. д.), видны уполномоченные и адвокаты¹. Производство дѣла заключается въ словесныхъ преніяхъ и въ разборѣ свидѣтельскихъ показаній. — Фактъ, приведенный Боленомъ, имѣетъ большой интересъ для всеобщей исторіи адвокатуры. За правдоподобіе его, по-видимому, говорить то обстоятельство, что въ драмѣ съ вѣрностію воспроизведены коренныя черты индійскаго процесса (устность, гласность и важное значеніе свидѣтельскихъ показаній). Но за тонкою чертою вѣроятія начинается рядъ сомнѣній. Судебная драма, разобранная Шлегелемъ и Боленомъ, принадлежитъ къ I-му столѣтію по Р. Х. Между тѣмъ главное кодификаціонное движеніе браминской Индіи окончилось болѣе чѣмъ за пять вѣковъ до нашей эры. Въ драмѣ I-го столѣтія говорится объ «уполномоченныхъ». Но ни въ сводѣ Ману, ни въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, которыя обнимаютъ источники индійскаго законодательства до V-го и позднѣйшихъ столѣтій послѣ Р. Х., не видно договора довѣренности. Наконецъ судебная драма можетъ раздѣлять участь всѣхъ однородныхъ произве-

¹ Ср. *Bohlen*, *Das alte Indien*, 56, 57.

дений индійской литературы. Есть весьма почтенныя мнѣнія¹, по которымъ происхожденіе индійской драмы связано съ греческимъ вліяніемъ. И дѣйствительно, сношенія гелленовъ съ индусами, открытыя политикою персовъ и македонянъ, учащаются по мѣрѣ приближенія къ христіанской эрѣ. До Скилакса, почти не знали о существованіи Индіи². Но изъ показаній Арріана, Страбона и Эліана извлечена богатая добыча изумительнымъ трудолюбіемъ ученыхъ, подобныхъ Лассену. На сѣверо-западной границѣ Индостана и въ глубинѣ Ирана возникали государства, гдѣ греческое вліяніе обнаружилось не въ одномъ драматическомъ искусствѣ. Адвокатъ, изображенный въ судебной драмѣ индусовъ, могъ быть занесенъ съ далекаго запада. — Отсюда видна вся шаткость вывода на основаніи любопытнаго, но одиночнаго факта. Заключение объ адвокатурѣ у индусовъ гораздо слабѣе предположеній о повсемѣстномъ распространеніи этого учрежденія въ Египтѣ при Птолемеяхъ. Мнѣніе, будто коренное законодательство браминовъ могло допустить судебную защиту, еще до Р. Х., лишено всякаго основанія. Въ судебныхъ установленіяхъ Индіи, форма устнаго и гласнаго процесса совершенно-своеобразно соединяется съ началомъ, которое можно уподобить инквизиціонному. Въ тысячахъ статей браминскаго свода не отыщется такого понятія, что начатіе гражданскаго иска есть дѣло свободной воли заинтересованнаго лица. Преслѣдованіе кредитора есть обязанность, вынуждаемая карательнымъ закономъ. Тѣмъ болѣе

¹ A. Weber, Indische Studien.

² Скилаксъ, уроженецъ дорійскаго поселенія Каріанды, изслѣдовалъ теченіе Инда, отъ вершины до устья, по приказанію Дарія Гистаспа (521—485). Отъ устья Инда предприимчивый грекъ направился океаномъ къ западу, до Чермнаго моря. Баснословные рассказы его извѣстны Геродоту, Страбону, Аристотелю.

строгость предписывается въ уголовныхъ дѣлахъ. Разслѣдованіе преступленій, обвиненіе, судъ и наказаніе вмѣняются въ долгъ самому государю. Иначе сводъ грозитъ карою божества, которое одно ограничиваетъ власть деспотовъ¹. Отсюда — громадная полицейская и обвинительная власть въ рукахъ правительства. Повсемѣстно, даже въ частныхъ домахъ, размѣщены соглядатаи, которые играютъ весьма важную роль въ процессахъ. Опираясь на доносы многочисленныхъ агентовъ², органы судебной власти сами вчинаютъ, ведутъ и оканчиваютъ дѣла по всѣмъ преступленіямъ, отъ сомнѣнія въ ученыхъ достоинствахъ брамина до оскорбленія величества. Жестокія наказанія ожидаютъ обвиненнаго. Но судьи успокаиваютъ себя правиломъ браминской мудрости, что «наказаніе очищаетъ людей и служить вѣрнѣйшимъ залогомъ общественнаго спокойствія». Надежнѣйшимъ обезпеченіемъ безпристрастія считается совѣсть самого судьи — этой могущественной личности, которая держитъ въ рукахъ всѣ нити розыска и обвиненія. Но, на самомъ дѣлѣ, единственною опорою для подсудимаго служатъ свидѣтели, если показаніями ихъ удачно опровергается обвиненіе. При недостаткѣ свидѣтелей, дѣло рѣшается присягой или ордаліями, которыя представляютъ болѣе полную систему въ сводѣ Ману, чѣмъ въ салическомъ или въ рипуарскомъ законѣ. При такихъ условіяхъ, едва-ли найдется мѣсто для адвокатуры. — Отрицательный выводъ этотъ закрѣпляется еще однимъ соображеніемъ: адвокатская профессія не могла образоваться въ обществѣ, гдѣ все населеніе приурочено, по волѣ самого божества, къ опредѣленнымъ занятіямъ. Одни брамины имѣли право толковать законъ. Другія касты подвергаются

¹ Manava-Dharma-Sastra (Laws of Manu). Edit. W. Jones, VII, 12, 13.

² Извѣстно, что греки приняли шпионовъ за особую касту въ Индіи.

карательнымъ мѣрамъ за объясненія свода. Но и браминъ под-
лежитъ строгой отвѣтственности за подачу мнѣнія члену самой
низшей касты (IV; 80, 81). У высшаго класса существуетъ
монопольное право на законовѣдѣнiе, но не видно обязанности
обращать юридическое знанiе на защиту подсудимыхъ. Вотъ
почему ученые правовѣды (пундиты) играютъ извѣстную роль
въ индiйской исторiи. Изъ браминовъ, которые не всегда пре-
давались однимъ религiознымъ созерцанiямъ¹, выходили обо-
ротливые купцы, искусные врачи, художники, администраторы
и даже воины. Но объ адвокатской профессiи у индусовъ из-
вѣстенъ лишь одинокий фактъ, который стоитъ въ разладѣ съ
юридическимъ бытомъ и съ цѣлою гражданственностью народа.

До сихъ поръ въ земляхъ, гдѣ удержался, съ наибольшею
вѣрностью, коренной уставъ страны, органами судебной защи-
ты являются не адвокаты, но родственники подсудимыхъ². —

Обратимся теперь къ наиболѣе замѣчательному изъ восточ-
ныхъ законодательствъ. Существовала ли судебная защита у
евреевъ? Если существовала, то дано ли Моисеемъ и другими
законодателями надлежащее устройство этому учрежденiю? —
Въ еврейскомъ правѣ, впервые на востокѣ, встрѣчается на-
чало равенства передъ закономъ. Власть каждаго еврея судить
и возможность быть судимымъ равноправными согражданами —
составляетъ коренную черту юридическаго быта. Строгое изслѣ-
дованiе фактовъ, полная публичность словеснаго разбора дѣлъ,
отсутствiе предварительнаго заключенiя для подсудимаго: та-
ковы главныя черты древнѣйшихъ законовъ о судопроизводствѣ
у евреевъ. Въ эпоху Мишны и Талмуда, основныя начала эти
сохраняются. Ихъ дополняютъ новыя правила; образуется за-

¹ Бенфей (Indien) остроумно замѣчаетъ, что въ Индiи теокра-
ты хорошо понимали практическое правило: «Für den Bauch
spielt man gar manche Rolle».

² Benfey, I. с. 232 etc.

конченная система. Такъ удержалось древнее воззрѣніе, общее всему востоку, что человѣческій судъ творится въ незримомъ присутствіи высшаго Существа. Но выработалось понятіе, котораго нѣтъ въ Египтѣ и въ Индіи, что опасенъ людямъ и противенъ Богу единоличныи и неограниченныи судъ земныхъ властей¹. Отступленія законниковъ отъ древняго преданія вызываютъ жалобы пророка, но не приводятъ къ отмѣнѣ словеснаго производства и къ преобладанію письменности въ процессѣ². Обвиненіе удержало частный характеръ. Личное значеніе каждаго гражданина получило подтвержденіе въ правѣ: избирать судебную инстанцію для своего дѣла³, отводить посредниковъ, которые предложены противною стороною. Строгость допроса свидѣтелямъ по моисеевымъ законамъ усилилась въ Мишнѣ и Талмудѣ, подѣ влияніемъ діалектическаго направленія докторовъ Іерусалима и Вавилона. Послѣднее слово отдано свидѣтелямъ за подсудимаго. Исполненіе не слѣдовало немедленно за рѣшеніемъ, по обычаю другихъ восточныхъ народовъ. Требовалось вторичное преніе, въ видахъ возможнаго смягченія приговора. Членамъ суда нельзя отступать отъ миѣнній въ пользу подсудимаго; но неограничена свобода для перехода отъ осужденія къ оправданію. Въ уголовныхъ дѣлахъ простое абсолютное большинство не достаточно: нуженъ перевѣсъ двухъ голосовъ для осужденія. Отмѣна обвинительнаго приговора могла послѣдовать передъ самымъ исполненіемъ, если представля-

¹ Ср. *Salvador*, *Instit. de Moïse*, I, примѣч. къ отд. о сулѣ. Здѣсь представлено много любопытныхъ извлеченій изъ Мишны. «Scriptura dicit: et ero vobiscum in re judicii.... Ne sis judex unus, non est enim unicus judex, nisi Unus etc.

² Ср. Исаія. 10. 1. Въ славянскомъ текстѣ Библии, мѣсто это начинается энергическимъ обращеніемъ: «горе пишущимъ лукавство, пишущіи бо лукавство пишутъ» и т. д.

³ Ср. Второзаконіе. 17, 8—13. 19, 17.

лись новыя обстоятельства, благоприятныя для подсудимаго. Наконецъ, при послѣднихъ минутахъ преступника, законъ предписываетъ такія мѣры, которыя должны были облегчать физическія страданія во время казни.—Въ сжатомъ очеркѣ этомъ видна сильная идея о правосудіи, основанномъ на уваженіи къ человѣку, какъ образу и подобію Бога. Отсюда-же вытекаетъ высокое начало милосердія къ самому преступнику. Въ такихъ свѣтлыхъ началахъ видна подготовка христіанства. Но въ книгахъ моисеевыхъ, со включеніемъ Второзаконія, не найдется ни одной статьи объ адвокатурѣ. Возвышенныя начала праваго и милосердаго суда облечены въ самыя простыя формы. Нѣтъ здѣсь органовъ публичнаго обвиненія, которые существовали въ теократической Индіи и, быть можетъ, въ Египтѣ. Въ теченіе многихъ вѣковъ, еврейскій процессъ происходилъ у городскихъ воротъ, и судьи не удалялись, какъ въ Египтѣ, для совѣщаній въ заповѣдныя отдѣленія храма. Судоустройство не имѣетъ стройности и централизаціи, которая замѣтна въ регламентированныхъ уставахъ фараоновъ и браминовъ. Апелляція, несомнѣстная съ безграничною свободою избирать инстанцію, не получила той опредѣленности, которую дали этому учрежденію древнѣйшіе юристы Индіи. Главная забота еврейскаго закона заключается въ томъ, чтобы судьи были безкорыстны и нелицепріятны ко всѣмъ тяжущимся и подсудимымъ, не исключая иностранцевъ¹. Колоссальная личность Моисея глубоко проникнута

¹ Ср. Исходъ. 23, 1, 6, 8, 9. См. Священныя книги ветхаго завета. С.-Птб. 1868. «Не внимай пустому слуху, не давай руки твоей нечестивому, чтобы быть свидѣтелемъ неправды... Не суди превратно тяжбы бѣднаго твоего... Даровъ не принимай; ибо дары слѣпыми дѣлаютъ зрячихъ, и превращаютъ дѣло праваго. Пришельца не обижай... Вы знаете душу пришельца, потому что сами были пришельцами въ землѣ египетской». Ср. Второзаконіе. I; 16, 17.

нравственною силою убѣжденій. Вѣра подобныхъ дѣателей въ чистые принципы такъ велика, что у нихъ невольно отходитъ на второй планъ вопросъ о законченной отдѣлкѣ учреждений. Отсюда, вмѣстѣ съ простотою патріархальнаго быта, можно объяснять отсутствіе опредѣленныхъ предписаній о судебной защитѣ у Моисея. Но, съ другой стороны, въ учрежденіяхъ его не видно тѣхъ преградъ, которыя поставлены адвокатурѣ у другихъ народовъ востока. Подобная политика немислима въ законодательствѣ, построенномъ на десяти заповѣдяхъ. Мало этого: въ Библии находимъ мы главу, гдѣ сильный и знающій законы человѣкъ отстаиваетъ права вдовъ, сиротъ и неимущихъ людей.

«Въ тѣ дни, говоритъ Іовъ, когда Богъ хранилъ меня, когда свѣтильникъ Его свѣтло горѣлъ надъ главою моею... Когда еще былъ Вседержитель со мною, дѣти мои вокругъ меня... когда я выходилъ къ воротамъ города, и на площади ставилъ стулъ себѣ; юноши, увидѣвъ меня, прятались, а старцы вставали, стояли; князья прекращали рѣчь, и полагали руку на уста свои; гдось знаменитыхъ мужей скрывался, и языкъ ихъ прилипалъ къ гортани ихъ. Ибо ухо слышало, и ублажало меня, и око видѣло, и восхваляло меня. Ибо спасалъ я страдальца вопіющаго, и сироту, когда не было помогающаго ему. Благословеніе погибавшаго приходило на меня, и сердце вдовицы было мною обрадовано. Я облакался въ праведность и она одѣвала меня собою; плащомъ и увясломъ служило мнѣ правосудіе. Слѣпому я былъ глазами, а хрому ногами. Нищимъ я былъ отецъ, и вникалъ въ дѣло незнакомаго мнѣ. И сокрушалъ незаконному челюсти, и изъ его зубовъ исторгалъ похищенное... Внимали мнѣ и въ ожиданіи совѣта моего безмолвствовали. Послѣ рѣчей моихъ уже не возражали, и капало на нихъ слово мое. И ждали меня, какъ дождя, и какъ позднему отверзали уста свои»¹. Такова одна изъ прекраснѣйшихъ страницъ Биб-

¹ См. *Архим. Макарія. Учительныя книги ветхаго завіта*. Кн.

ли, гдѣ несомнѣнно идетъ дѣло о судебной защитѣ тяжущихся и обвиненныхъ. Заступничество Іова не есть опредѣленное занятіе. Оно не имѣетъ обязательнаго характера римскаго патроната. Это самая первичная форма защиты, гдѣ вліятельное лице—князь земли—добровольно оказываетъ судебное покровительство. Не договоръ, не формальный законъ, но нравственное чувство и религіозное убѣжденіе устанавливаютъ отношеніе защитника къ подсудимому. И есть основаніе утверждать, что цивилизирующее вліяніе моисеева законодательства могло только закрѣпить обычай, замѣнявшій адвокатовъ въ патриархальномъ обществѣ. Второзаконіе, гдѣ заключаются дополненія къ моисееву тексту, оставляетъ неприкосновенными формы того суда, о которомъ говоритъ защитникъ народа Іовъ: «Когда выходилъ я къ воротамъ города... старцы вставали, стояли; князья прекращали рѣчь и полагали руку на уста свои».

Еще позже, многіе пророки — эти лучшіе хранители закона — постоянно напоминаютъ объ обязанности защищать безпомощныхъ людей. Между прочимъ, книга Іереміи показываетъ, что нерѣдко истинные пророки нуждались въ защитѣ передъ судомъ, гдѣ обвинители требовали казни за суровую правду. Самъ Іеремія выдержалъ такой опасный процессъ противъ лжепророковъ. Въ дѣлѣ видна та-же простота судебныхъ формъ, на которую указано выше. Іеремія не имѣетъ противъ себя *одного* публичнаго обвинителя. Весь народъ, со включеніемъ левитовъ и лжепророковъ, требуетъ: «да умретъ смертію». Послѣ оправданія, развитаго самимъ подсудимымъ, за него говорятъ нѣкоторые старѣйшины къ народу. На сторонѣ обвиненія упорно остаются одни жрецы и лжепророки. И лишь къ концу раз-

Іова, 29, 11—22. Ср. любопытное сочиненіе *Гуссона*, «*De advocato libri quatuor*», Parisiis, MDCLXVI (1666 г.), откуда видно, что вопросъ о судебной защитѣ у евреевъ занималъ еще Оригена и свят. Іеронима.

сказа уясняется, что одному лицу изъ среды народа принадлежит главная роль защитника¹.

Теперь можно дать отвѣтъ на вопросы, поставленные выше. Судебная защита черезъ постороннихъ лицъ извѣстна евреямъ; но она не установлена Моисеемъ, а скорѣе перешла изъ болѣе глубокой древности, какъ остатокъ обычнаго права патріарховъ. Не сообщена также Моисеемъ иная, болѣе совершенная, форма этому учрежденію. Такое заключеніе особенно ясно изъ процесса Іереміи, который жилъ въ царствованіе Іакима, сына Іосіи. Защита допускается; но она считается необходимою лишь для вдовъ, сиротъ и неимущихъ. Самимъ подсудимымъ, которые не подходятъ къ этому разряду, всегда дается защитительное слово; но они могутъ остаться безъ посторонней помощи. Приговоръ, постановленный при такихъ условіяхъ, не считается противнымъ справедливости. Если же кто, подобно Іову или заступникамъ Іереміи, принимаетъ на себя защиту, то она получаетъ полное судебное значеніе. — Отсюда ясно, почему не возникъ особый классъ адвокатовъ у евреевъ. Существуетъ даже предположеніе, будто при царѣ Давидѣ 6,000 левитовъ соединяли различныя судебныя должности съ адвокатурой². Была ли здѣсь попытка дать правительственный уставъ защитѣ и обратить ее изъ вольнаго отношенія въ служебное? На вопросъ этотъ нигдѣ не дано объясненія. Въ дополненіяхъ къ моисееву закону послѣ Давида, обращаютъ вниманіе на одну судебскую дѣятельность, подкрѣпляя юрисдикцію левитовъ угрозою наказанія³. — Но если простота формъ въ древнемъ судопроиз-

¹ Іеремія. 26, 7. — Ср. славянск. текстъ Библіи: И яша Іеремію жрецы и лжеиророцы, и вси людіе, глаголюще: смертію да умретъ..... Обаче рука Ахикама сына Сафаніина бѣ со Іеремією, еже не предати его въ руцѣ людей, да не убіюгъ его.

² *Salvador*, I. с.

³ Второзаконіе, 17, 8—13. 19, 17 и проч.

водствѣ объясняетъ отчасти отсутствіе особаго класса адвокатовъ у евреевъ: то каково было дѣйствіе ученаго законодательства раввиновъ? Мысль о возможно-большихъ обезпеченіяхъ для подсудимаго несомнѣнна у авторовъ Мишны. А проводя подобное начало, трудно обойти вопросъ объ адвокатурѣ. Что же находимъ мы въ процессахъ синедріона? На судѣ, возлѣ членовъ коллегіи, постоянно пребывали лица, которыхъ называютъ «кандидатами»¹. Штатные судьи давали имъ слово только въ защиту подсудимаго. Рѣчь произносилась публично, потому что ораторы обращались къ цѣлому народу. Различіе такого порядка отъ патріархальнаго существенно, въ томъ отношеніи, что, по Мишнѣ, защиту ведутъ свѣдущіе юристы, которые находятся въ составѣ суда. Защита нѣсколько специализируется и пріобрѣтаетъ оттѣнокъ профессіи. Но, по-видимому, ораторъ могъ говорить отъ своего имени, не выражая желаній и оправданій подсудимаго. Онъ только развивалъ юридическое мнѣніе свое по дѣлу посторонняго лица. Если рѣчь и клонилась къ защитѣ, то самое мнѣніе могло возникнуть на судѣ, въ моментъ допроса и слѣдствія. Защитѣ не предпосылалось предварительное сближеніе или объясненіе съ подсудимымъ. При такихъ условіяхъ, ораторъ далекъ отъ адвоката въ настоящемъ смыслѣ слова. Наконецъ самое названіе «кандидатъ», которое даетъ Мишна органамъ защиты, говоритъ о подготовкѣ молодыхъ правовѣдовъ скорѣе къ судейской, чѣмъ къ адвокатской дѣятельности.

Съ такими оговорками, признаемъ мы слишкомъ смѣлымъ безусловное отрицаніе судебной защиты въ періодъ талмудистовъ². Отсутствие кореннаго еврейскаго названія для адвоката есть дѣло спорное. Едва-ли можно рѣшить его одною ссылкой на

¹ *Salvador*, l. c. 374. 579. «Tres ordines candidatorum coram illis sedebant» etc. *Mischna*. «De Synedriis».

² *Michaëlis*, *Mosaïsches Recht*, VI. § 248.

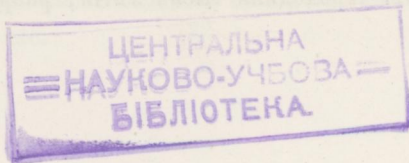
483836
словарь Буксторфа¹. Испорченные греческія названія (sanigur, paraclit), которыя приводитъ Михаэлисъ, говорятъ только о чужеземномъ вліяніи. Последняго обстоятельства не отрицаютъ лучшіе знатоки исторіи евреевъ². Но къ чему заимствовать греческія названія адвокатовъ, если у самихъ талмудистовъ не было никакихъ органовъ судебной защиты? Вѣрно одно: и въ синедрионѣ защита не была дѣломъ устроенной адвокатуры. Ни одинъ изъ извѣстныхъ намъ писателей не даетъ указаній, чтобы ученые юристы требовали, какъ условіе sine qua non, постороннюю защиту для каждаго подсудимаго. Сальвадоръ, Эвальдъ, Эммануилъ Дейчъ, Тониссенъ и многіе другіе не приводятъ изъ Талмуда ни одного выраженія, подобнаго преторскому слову у римлянъ («Если у кого не окажется защитника, тотъ получить его по моему назначенію»)³. Въ большинствѣ случаевъ, средствами защиты оставались — собственная рѣчь подсудимаго и строгій допросъ свидѣтелей. Последняя черта еврейскаго процесса видна въ извѣстномъ дѣлѣ Сусанны. Здѣсь показаніе Даниила, вызвавшее вторичный допросъ обвинителямъ, имѣло силу адвокатской защиты.

Изъ всего предъидущаго можно сдѣлать рѣшительное заключеніе: есть ли адвокатура на самомъ дѣлѣ одно изъ древнѣйшихъ и всемірныхъ учрежденій? Мы рассмотрѣли законодательства, которыя издавна возбуждали громкія похвалы. Вся

¹ См. у *Сальвадора*, I, 359, еврейское названіе (Baal rib), которое ученый авторъ переводитъ выраженіемъ: «*maître du procès, dominus litis*». Вообще, желательно, чтобы вопросъ этотъ былъ болѣе разъясненъ еврейскими правовѣдами и филологами.

² *P. Jost, Geschichte des Judenthums*, II, 213. Замѣчанія о законодательствѣ ученыхъ раввиновъ въ Вавилонѣ и Іерусалимѣ.

³ *Dig. L. III. 1. § 4. Ait praetor: «Si non habebunt advocatum ego dabo».*

Греція, отъ Пизагора и Солона до Діодора сицилійскаго, склонялась передъ мудростію египтянъ. И точно: нельзя отрицать своеобразной силы въ учрежденіяхъ, которыя удовлетворили первымъ потребностямъ народившейся гражданственности. Но гранитная прочность государства въ Индіи и въ Египтѣ зависѣла, между прочимъ, отъ одного условія: народъ оставался неподвижною массою: его давила непомѣрная тяжесть правительства. Индійскій сводъ основательно замѣчаетъ о непоколебимости такого государства, гдѣ жрецы примиряются съ воинами и гдѣ, по выраженію средневѣковыхъ публицистовъ, оба меча — свѣтскій и духовный — попадаютъ въ однѣ руки. Зданіе, которое возвели теократы въ союзѣ съ деспотами, поражало величавымъ видомъ своимъ. Но милліоны подданныхъ служили въ немъ каріатидами. Цѣлью существованія людей, единственною задачею государства было — увѣковѣчить общественный строй, выгодный для однихъ властителей. Передъ этимъ интересомъ не подымалась рѣчь о человѣческомъ достоинствѣ или о гражданскихъ правахъ отдѣльной личности. Управление, судъ, законы уголовные, самая религія, которая долго замѣняла философію и правовѣдѣніе — все это настойчиво преслѣдовало охрану и усиленіе военно-теократической деспотіи. Чѣмъ болѣе наказаній, тѣмъ вѣрнѣе покой государства, говорили законодатели Индіи и Египта. Чѣмъ скорѣе примѣняется наказаніе, тѣмъ цѣлесообразнѣе правосудіе, разсуждала та-же суровая логика. При подобномъ порядкѣ вещей, не находилось мѣста учрежденію, цѣль котораго — отстаивать гражданъ противъ ошибокъ и злоупотребленій правосудія. Адвокаты только мѣшали судьямъ, по цивическому выраженію египетскаго свода. Такимъ образомъ, исторія востока рѣшительно опровергаетъ мнѣніе, будто «адвокатура есть древнѣйшее и всемірное учрежденіе». Совершенно — напротивъ. Проходили тысячелѣтія; разрастались сильныя

18389

БИБЛИОТЕКА

цивилизациі изъ зачатковъ патріархальнаго быта; издавались законы, устраивались суды; писались книги о правовѣдѣніи и управленіи государствомъ: но не учреждались адвокаты. Даже евреи, которые создали замѣчательнѣйшее судопроизводство на востокѣ, ограничились допущеніемъ судебной защиты и не дали надлежащаго устройства этому установленію.

II.

Г Р Е Ц І Я.

Прямой путь отъ востока на западъ не можетъ обойти Грецію. Не исключая Аттики, страна эта начинаетъ жизнь свою съ учреждений, на которыхъ лежитъ отпечатокъ востока. Связь съ Азією ясна для потомства, хотя Плутархъ высказываетъ полную вѣру въ преданіе, будто Тезей впервые далъ эвпатридамъ, вмѣстѣ съ властію политическою, исключительное право изучать и толковать законы¹. На подобной ступени, гражданственность сдѣлала лишь малый шагъ отъ того состоянія общества, когда правовѣдѣніе и судебная практика составляютъ монополію касты. Но несомнѣнный прогрессъ заключался въ замѣнѣ восточной теократіи свѣтскою аристократією. При господствѣ эвпатридовъ, открывался выходъ изъ политическаго и общественнаго коснѣнія. Свѣтская аристократія нигдѣ не имѣла способности всецѣло поработать управляемыхъ. Солонъ, Клейсѣенъ, Аристидъ, Перикль и Эфіальтъ оказались

¹ *Plutarch. Theseus.* (Ed. Didot, c. 23):«Quum patriciis jus concessissent res divinas cognoscendi, magistratus ex suo ordine creandi, et ut leges docerent, sacra et ceremonias reliquis civibus interpretarentur» etc.

возможными въ Аѣинахъ. Знаніе законовъ перешло изъ монополіи эвпатридовъ, при Тезеѣ, въ неотъемлемое право и даже въ обязанность каждаго гражданина, при Солонѣ. И не кто иной, какъ Плутархъ, приписываетъ такіа слова аѣинскому законодателю: «счастливъ народъ, у котораго бѣднѣйшій человѣкъ можетъ преслѣдовать судомъ преступленія и проступки сильный людей». — Республиканское устройство стремилось привлечь гражданъ къ дѣятельному участию во всѣхъ сферахъ общественной жизни. Для этого вожди народовластиа установили самую широкую правоспособность. Одинъ и тотъ-же гражданинъ осуществлялъ многія права и выполнялъ различныя обязанности. То приходилось снаряжать трирему и отправляться за-море съ государственнымъ порученіемъ къ одному изъ союзниковъ. То, вслѣдъ за провозглашеніемъ сената или экклезіи, нужно было идти въ собраніе «шести тысячъ» и отмѣчать — чье имя грозило спокойствію республики. Такіе случаи были чрезвычайными. Но обыденный ходъ государственнаго устройства и управленія доставлялъ самую большую работу. Тридцати-пятидневныя засѣданія выборныхъ притановъ отъ каждой филы, недѣльная служба въ должности проэдровъ, полныя засѣданія совѣта пентесотъ, законодательныя коммиссіи номотетовъ, суды, которые требовали многочисленныхъ присяжныхъ (дикастовъ) — все это было въ рукахъ гражданъ. При подобномъ устройствѣ, понятно правило, что каждый гражданинъ долженъ самъ отстаивать интересы свои на судѣ, не прибѣгая къ постороннему пособію. Другими словами: каждый обязанъ быть собственнымъ адвокатомъ. Въ самомъ дѣлѣ, для кого допущены свободное ходатайство и законное представительство постороннихъ лицъ? — для женщинъ и дѣтей (т. е. лицъ *alieni juris*, подвластныхъ), для иностранцевъ и метойковъ (т. е. лицъ, которыя только терпимы въ государствѣ). Въ случаѣ преступленія, женщину приводятъ на судъ; но ей не даютъ слова. Рѣчь за нее говорить

опекунъ изъ родственниковъ (*kyrios*), а иногда посторонній защитникъ (процессъ Фрины въ ареопагѣ, IV столѣтія передъ Р. Х.). Даже въ утопіи Платона, лишь 40-лѣтній возрастъ предоставляетъ женщинѣ право на самостоятельную защиту передъ судомъ. И строгое наказаніе — обращеніе въ неволю — присуждается положительными законами метойку, который является на судъ безъ простата, хотя-бы по справедливому своему иску.

Въ противоположность такому юридическому положенію, существенною принадлежностію полного гражданства считается непосредственное право — обвинять и защищаться отъ обвиненій. Безъ этого, нѣтъ дорогой для грека изоміи. Извѣстно, что публичный искъ противъ опекуновъ былъ первымъ заявленіемъ гражданского совершеннолѣтія Демосеена.

Таково основное положеніе законодательства о судебной защитѣ въ Аѣинахъ. Какъ-же устроилось это учрежденіе? Не изъ однихъ юридическихъ древностей извѣстна многочисленность процессовъ на судахъ аѣинскихъ. Аристофанъ сравниваетъ своихъ согражданъ съ крикливымъ сверчкомъ и находитъ болѣе спокойнымъ это насѣкомое; веденіе тяжбъ въ Аѣинахъ не пріостанавливается никакимъ временемъ года. (Извѣстно, что разбирательство по торговымъ дѣламъ происходило зимою, по прекращеніи мореходства). Клеонъ во «Всадникахъ» издѣвается надъ мелочнымъ торговцемъ, который проводитъ ночи безъ сна, разучивая рѣчь, изготовленную чужими руками. Куда направлено это нападеніе? Здѣсь насмѣшка надъ тѣмъ искаженіемъ судебной защиты, которое связано съ именемъ «логографовъ», или «дикогографовъ». По неизвѣстнымъ причинамъ, Аристофанъ оставилъ въ покоѣ «синегоровъ» и «параклетовъ» — двѣ другія формы адвокатуры въ Аѣинахъ. Въ чемъ же состояли синего-

рія, параклетія и логографія? Какимъ путемъ образовались онѣ въ Аѣинахъ? По-видимому, законъ, который не допускалъ участія постороннихъ лицъ въ защитѣ полноправнаго гражданина, долженъ былъ уничтожить, въ самомъ корнѣ, всѣ виды адвокатской профессіи. Но противъ такого послѣдствія заговорили могущественныя препятствія. Можно было приспособить гражданъ къ отправленію лейтургій, къ обязанностямъ дикастовъ и т. д. Но ни Клейсѣенъ, ни Периклъ не властны были сообщить юридическія познанія и ораторскую способность каждому аѣинянину. Въ лучшія времена, число ораторовъ, которые осмѣливались говорить передъ народомъ, не превышало нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ въ цѣлой республикѣ. Счетъ юристовъ не дойдетъ и до такой скромной цифры, за все существованіе аѣинской демократіи. Вотъ почему, съ теченіемъ времени, отъ столкновенія двухъ силъ — запретительной теоріи и неодолимой общественной потребности — возникло участіе постороннихъ лицъ въ судебной защитѣ. Законъ говорилъ: «всякій долженъ лично защищать себя». Отсюда тотъ строгій выводъ, что истцы и отвѣтчики, обвинители и обвиняемые обязаны лично явкою въ судъ, безъ повѣренныхъ и адвокатовъ. Только болѣзнь, какъ это видно изъ жизнеописаній Мильціада и Исократы, избавляла отъ этой обязанности. Съ другой стороны, неизбежное крушеніе самыхъ законныхъ правъ грозило тому, кто вступалъ въ неравную борьбу съ талантливымъ, знающимъ и вліятельнымъ противникомъ. Какъ быть въ такомъ случаѣ? Оставить въ полной силѣ букву закона — значило дѣйствовать по правилу: *fiat justitia, pereat mundus*, отъ котораго должно отказаться всякое правосудіе. Демократическіе судьи не могли допустить гибели гражданина отъ простой случайности — неумѣнья защитить себя. Потому-то происходили на судахъ такія явленія: «отецъ мой — говоритъ сынъ одного изъ невольныхъ адвокатовъ собственнаго дѣла — могъ бы за-

щищаться передъ вами, судьи, одними явными доказательствами убожества и незнація. Онъ не болѣе, какъ простой вѣстовщикъ въ Пирей. Работа эта, не говоря уже о бѣдности, не позволяетъ заниматься тяжбами»¹. Въ простомъ здравомысліи своемъ, рѣчь эта дѣйствуетъ на судей, и они разрѣшаютъ уклоненіе отъ буквы закона. Бѣднякъ, которому предстояла попытка публичнаго состязанія противъ сильныхъ и ловкихъ людей, находитъ защитника. Слово дается не самому истцу, но его сыну, участіе котораго равносильно адвокатускому пособію. Правда, такіе случаи полной уступки слова своего на судѣ довольно рѣдки въ рѣчахъ Демосеена.

Чаще — иные виды отступленій отъ запретительнаго закона. Главная сторона произноситъ свою рѣчь. Но, опасаясь силы новыхъ доводовъ противника, или нуждаясь въ «репликѣ» на его возраженія, отвѣтчикъ или подсудимый призываетъ помощь постороннихъ лицъ. Судьи и здѣсь даютъ разрѣшеніе. Такія рѣчи, произнесенныя для поддержки главной стороны, извѣстны подъ названіемъ «деверологій». Ихъ насчитываютъ немало у Демосеена, Лизіаса и другихъ адвокатовъ². Эгжеръ приводитъ любопытный отрывокъ изъ деверологіи, написанной Гиперидомъ: «я сказалъ все или почти все, что могли услышать вы, судьи. Но мой обвинитель — человѣкъ искусившійся въ судебной борьбѣ и привычный къ слову — привлекъ къ себѣ по-

¹ *Demosthen. Orationes* (Edit. Didot, P. 2, 866). *Contra Leocharem*: «Pater hic meus una paupertatis, ut vos omnes nostis, et imperitiae manifestis testimoniis pugnat. Nam in Piraeo praeconium facit, id quod non modo paupertatis....sed et occupationis est argumentum, quae lites sectari prohibeat» etc.

² Cp. *Müller, Gesch. der gr. Litt.* — *Egger, Mémoire*: «Si les Athéniens ont connu les avocats». — *Mure, Critical History of the language and literature of anc. Greece*. IV. p. 102. etc. — *Blass, Die Griech. Beredsamkeit*, Ss. 57, 93, 127, 150, 185 etc. Оcob. 213 etc.

мощниковъ, чтобы погубить гражданина, наперекоръ всякой справедливости. Въ свою очередь, прошу и умоляю я васъ, судьи, о дозволеніи призвать такихъ людей, которые могли бы поддержать меня въ этомъ важномъ спорѣ. Выслушайте благосклонно того изъ родственниковъ или друзей моихъ, кто придетъ выручать вашего согражданина: простаго и нерѣчистаго человѣка, который борется здѣсь не за жизнь свою — это было бы не важнымъ дѣломъ, — но за избавленіе отъ изгнанія, но за право похоронить кости свои въ родной Аттикѣ. Если только вы позволите, судьи, то я сейчасъ-же призову кого нибудь на помощь. Выходи сюда, Теофилъ, и скажи за меня что можешь. Судъ разрѣшаетъ тебѣ »¹. — Отсюда видно, какъ проста была форма судебной рѣчи, и на какихъ основаніяхъ допускалось участіе адвокатовъ. Гражданинъ, говорившій по тексту опытнаго юриста Гиперида, намѣренъ призвать кого-либо «изъ друзей и родственниковъ». Настоящій защитникъ, написавшій рѣчь Ликофрона и, быть можетъ, девтерологію (реплику) Теофила, остается въ тѣни. Нѣтъ открытаго обращенія къ одному изъ членовъ адвокатскаго сословія, признаннаго закономъ. — Тѣ-же формы и обычаи можно прослѣдить въ нѣсколькихъ рѣчахъ у Демосфена. Такъ, въ одномъ изъ четырехъ любопытныхъ процессовъ по нарушенію договора бодмерей (что называется у французскихъ юристовъ: *pret à la grosse aventure*), сначала самъ обманутый кредиторъ произноситъ рѣчь свою. Послѣднія слова его очень близки къ тексту Гиперида: «Сказалъ я, что могъ, судьи. Теперь прошу, чтобы помогъ мнѣ кто-нибудь изъ друзей. Выходи (на трибуну), Демосеенъ »². Еще любопытнѣе и характернѣе, во всѣхъ отно-

¹ *Egger*. I. c. p. 6.

² *Demosth.* I. c. p. 681. At ego quidem, quae potui, dixi; peto autem, ut et amicorum aliquis mihi patrocinetur. Ascende, Demosthenes ».

шеніяхъ, рѣчь въ другомъ демосееновскомъ процессѣ. Здѣсь починъ въ состязаніи принадлежитъ главной сторонѣ (Θεομνη-сту). За-тѣмъ призывается къ деверологіи постороннее лицо (Аполлодоръ). И вотъ какъ мотивируется призывъ: главная сторона страдаетъ молодостью и отсутствіемъ опыта; призываемый ораторъ, при зрѣлости возраста, исполненъ таланта и знаній¹; Аполлодоръ питаетъ личную ненависть къ Стефану, мужу Нееры. Не смотря на послѣднюю часть заявленія, судьи разрѣшаютъ участіе посторонняго оратора, которое признается судьями за адвокатскую защиту (*advocatio, syngoria*). Съ привлеченіемъ Аполлодора къ дѣлу, наступаетъ серьезная борьба для противниковъ. Рѣчь, второстепенная по формальному порядку судоговоренія, оказывается главною по содержанію. — Защитники, которые привлекались такимъ способомъ къ дѣлу, носили названіе «синегоровъ» (*synegoros*). Какъ видно изъ процесса противъ Нееры, рѣчь ихъ могла касаться главной сущности дѣла, доказывать фактическую вѣрность и юридическую основательность цѣлой претензіи. Значить, въ роли синегора выступалъ защитникъ, который наименѣе разнится отъ современнаго адвоката. Юридическое положеніе такого оратора очень логично опредѣлено Эхиномъ, который говоритъ, что «синегоръ не отвѣчаетъ за рѣчь, произнесенную имъ на судѣ, тогда какъ свидѣтель отвѣтственъ за свое показаніе»². Это — любопытный проблескъ начала, которое получило теперь

¹ Последнее сомнительно. Рѣчь (l. c. p. 709, *Contra Neeram*) написана Демосееномъ или кѣмъ-то другимъ, если вѣрить греческому критику Діонисію. Во всякомъ случаѣ, Аполлодоръ выучилъ ее по чужому тексту. Вотъ латинскій переводъ греческаго текста: «*Nam et natu major est quam ego, et legum peritior, ab isto Stephano laesus... nec invidiosum est eum ulcisci a quo sit laccessitus*» etc.

² *Platner, D. Process u. die Klagen bei den Attikern etc.*

всеобщее признаніе, благодаря римской пропагандѣ юридическихъ понятій¹.— Кромѣ синегоріи, греческій процессъ знаетъ еще одну форму защиты. Не всегда требовалась адвокатская помощь въ томъ объемѣ и содержаніи, которые видны въ рѣчахъ синегоровъ. Собственная защита главной стороны могла, съ бѣльшимъ или меньшимъ успѣхомъ, достигнуть цѣли — убѣдить судей. Требовалось только: пояснить какое-либо отдѣльное обстоятельство, подкрѣпить извѣстную часть въ главной рѣчи, тронуть присяжныхъ картиною незаслуженныхъ бѣдствій, изобразить нравственные качества или гражданскую доблесть подсудимаго и т. д. Для подобныхъ заявленій призывались иногда ораторы изъ среды народа, который всегда съ участіемъ слѣдилъ за судебными преніями въ Аѣинахъ. Весьма возможно, что подсудимые и тяжущіеся заранѣе приводили свиту друзей, родственниковъ, сочленовъ гена (геннетовъ) или фратріи (фраторовъ). Во всякомъ случаѣ, кто-бы ни выходилъ на зовъ главной стороны — родственникъ, другъ или посторонній человѣкъ — ему давалось слово. Рѣчь такого защитника выслушивалась судомъ, а самъ ораторъ назывался «параклетомъ». Отличіе его отъ свидѣтелей заключается въ томъ, что параклетъ могъ говорить лишь о фактахъ, не вошедшихъ въ показанія. Чаще всего параклетъ ограничивался похвалами подсудимому, что ни подъ какимъ видомъ не входитъ въ прямую обязанность свидѣтелей. Въ томъ случаѣ, когда рѣчь сосредоточивалась на подтвержденіи «правдивости» или «честности» главной стороны, принесшей присягу, параклетъ выполнялъ роль, нѣсколько напоминающую соприсяжника (*conjuratores*). Но и здѣсь не можетъ быть уподобленія, потому что параклетъ говорилъ о «правдивости» извѣстнаго лица вообще, а

¹ De errore advocatorum. Фактическую невѣрность исправляетъ главная сторона. Юридическую — судья, не подвергая адвоката отвѣтственности.

не въ частности, по отношенію къ присягѣ. Самъ параклетъ не давалъ присяги. Такимъ образомъ, роль его въ процессѣ можно связать лишь съ дѣломъ судебной защиты. Сходство съ синегоромъ видно на одномъ произнесеніи изустной рѣчи въ интересахъ подсудимаго. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, между параклетомъ и синегоромъ слѣдуетъ признать существенное отличіе. Защита въ формѣ параклетіи, еще болѣе чѣмъ синегорія, удаляется отъ современной адвокатуры.

Судебная защита въ Аѣинахъ не остановилась на двухъ описанныхъ видахъ. Подъ вліяніемъ тѣхъ-же причинъ, которыя произвели синегоровъ и параклетовъ, произошла цѣлая промышленность. Можно было знающему человѣку написать рѣчь по извѣстному дѣлу и продать ее несвѣдущему и безталантному подсудимому. Рѣчь выучивалась наизусть — какъ видно это въ примѣрѣ изъ Аристофана — и произносилась передъ судьями. Такое значеніе имѣли логографы или дикографы. Вліяніе ихъ на судебную практику было весьма сильно. Громадное большинство процессовъ аѣинскихъ не имѣло иныхъ защитниковъ. Сотни рѣчей произносились на судахъ по чужому тексту. Лишь десятый процентъ принадлежитъ, по праву литературной собственности, самимъ тяжущимся или ихъ адвокатамъ¹. Есть примѣры, что защитникъ, которому дается слово послѣ главной стороны, произносить рѣчь, купленную у логографа (Аполлоторъ противъ Стефана, по тексту Демосеена). — И такъ логографія есть продуктъ теоріи, которая требовала, во что бы то ни стало, самозащиты отъ каждаго гражданина. Это — любопытнѣйшій примѣръ обычая, крѣпко построеннаго на явномъ уклоненіи отъ формальнаго закона. Нужно однако-же замѣтить, что логографія не развилась бы съ такою силою безъ содѣйствія другихъ обстоятельствъ. Извѣстно, что въ Аѣинахъ не надолго удер-

¹ Ср. *Ottfr. Mull.* I. с. — *Egger. Mémoire etc.* p. 10.

жался «здоровый сокъ Перикла», по счастливому выраженію Цицерона¹. Въ концѣ V столѣтія, особенно размножились поклонники сицилійскихъ говоруновъ². Съ жадностью выслушивалось ученіе Протагора, что назначеніе человѣка — въ страдательномъ принятіи тѣхъ впечатлѣній, которыя приносятъ ему вѣчное движеніе природы³. Отсюда — осмѣяніе платоновскихъ идей о правдѣ, добрѣ и познаніи истины. Отсюда — безразличное отношеніе къ самымъ противоположнымъ дѣйствіямъ и понятіямъ. Но у живаго аѳинскаго народа всякая теорія быстро переходила въ практику. Философское ученіе должно было повліять на судебное краснорѣчіе. Цицеронъ говоритъ, что Исократъ былъ кумиромъ одной изъ многочисленныхъ школъ въ Аѳинахъ⁴. За недостаткомъ глубокой мысли и твердыхъ убѣжденій, водворилась такая вѣра: слово, само по себѣ, есть сила. Въ немъ — вся истина, все знаніе и добродѣтель⁵. Удачно округленный періодъ дѣлалъ свѣтлое темнымъ, и на-оборотъ. Вѣроятіе и правдоподобіе отыскивались съ особенною легкостью при неимѣніи нравственнаго критеріума. Въ руководствахъ краснорѣчія появились разсужденія о судебныхъ доказательствахъ. Скептическое равнодушіе передъ всѣмъ, кромѣ собственныхъ выгодъ, направило діалектическія умствованія къ

¹ *Cicero, Brutus*, p. 30—37. (Edit. Meyeri. 1838).

² Цицеронъ называетъ ихъ: *Siculi acuta gens, et controversa naturâ*.

³ *Ottfr. Muller*. l. c.

⁴ *Brutus*, p. 28. *Magnus orator et perfectus magister, quamquam forensi luce caruit intraque parietes aluit eam gloriam etc.*

⁵ Прекрасно выражено такое воззрѣніе у Цицерона (*De orator. I; 18*), когда знаменитый адвокатъ заставляеть Антонія бесѣдовать съ аѳинскимъ философомъ: «*Ipsam eloquentiam... unam quandam esse virtutem, et qui unam virtutem haberet, omnes habere, easque esse inter se aequales et pares; ita qui esset eloquens, eum virtutes omnes habere atque esse sapientem*» etc.

подрыву самыхъ очевидныхъ признаковъ справедливости и безвинности. То-же самое научило прикрывать вопіющую преступность и беззаконіе. Составились цѣлыя книжки рѣчей по вымышленнымъ случаямъ (тетралогіи Антифона), причемъ преподавалось искусство говорить въ защиту и въ обвиненіе по одному и тому-же дѣлу. Накопился богатый запасъ адвокатской силы: діалектика, которая соединялась иногда съ основательнымъ знаніемъ законовъ. Но учрежденія не благопріятствовали открытой адвокатурѣ. Тогда удобнымъ и единственнымъ выходомъ для сдержанной силы явилась судебная защита въ формѣ логографіи.—Занятіе это не пользовалось уваженіемъ въ обществѣ. Слова — «логографъ» и «дикографъ» не были лестнымъ названіемъ. Такъ именовалъ Эсхинъ Демосеена, рассчитывая нанести ядовитый уколъ противнику. Обвиненный Сократъ, которому предлагалъ готовую рѣчь Лизіасъ, съ пренебреженіемъ отклонилъ услугу преданнаго ученика своего. Само правительство подымало иногда преслѣдованія противъ логографовъ¹. Изъ нихъ одни, выдержавши, подобно Исократу, нѣсколько процессовъ, отрекались отъ ремесла. За-то другіе оказывались настойчивѣе. Отъ половины V-го столѣтія передъ Р. Х., идетъ рядъ логографовъ, между которыми стоятъ историческія имена Лизіаса, Изей, Демосеена и Гиперида. Не видно, чтобы противъ нихъ вчинались публичныя иски за дикографію. Между тѣмъ Лизіасъ сотнями продавалъ рѣчи по уголовнымъ процессамъ и только однажды выступалъ открытымъ адвокатомъ въ собственномъ дѣлѣ. Изей прославился десятками логографій по гражданскимъ тяжбамъ. Демосеенъ написалъ тѣмъ-же способомъ значительную часть образцовыхъ рѣчей своихъ. Но первымъ логографомъ по времени и, мо-

¹ *Cicero, Brut. p. 38. «Isocratem artem dicendi esse negavisse, scribere autem aliis solitum orationes, quibus in judiciis uterentur, sed cum ex eo, quia quasi committeret contra legem... saepe ipse in judicium vocaretur» etc.*

жетъ статья, однимъ изъ первыхъ по таланту, былъ Антифонъ, казненный демократическою партіею послѣ изгнанія олигархическихъ тиранновъ. Не было человѣка, по словамъ Фукидида, болѣе способнаго поддержать совѣтомъ своимъ тѣхъ, кому предстояла борьба на судѣ или въ народномъ собраніи. У того-же историка находится объясненіе, почему Антифонъ взялся за логографію. Не произносилъ онъ изустныхъ рѣчей и не вступался открыто въ тяжбы, потому что страшился ревниваго недовѣрія въ народъ къ необыкновенной силѣ своего слова¹.

Послѣдняя черта любопытна. Съ тонкостью вѣрнаго рѣзца проведена она туда, гдѣ скрывается одна изъ причинъ своеобразнаго развитія аѣинской адвокатуры. Зная историческую роль и политическія убѣжденія Антифона, можно угадать, что именно сильнѣе всего возбуждало народъ противъ знаменитаго логографа. Но нельзя упускать и другаго обстоятельства. У аѣинянъ было нерасположеніе къ юристамъ и не имѣлось склонности къ правовѣдѣнію. Демосѣенъ высказываетъ, что «судъ обязанъ разрѣшать, по совѣсти и по крайнему разумѣнію своему, тѣ случаи, которые не предусмотрѣны закономъ»². Рѣшеніе *ex bono et aequo*, по доброй волѣ выборныхъ судей, объявлено общимъ правиломъ. Нигдѣ не видно намека на запросъ, который бы обращался, при возникшемъ затрудненіи, къ опытному законовѣду. И едва-ли отыщутся на судахъ дикастовъ обычаи, подходящіе къ римскимъ учрежденіямъ (*disputatio fori*;

¹ Ср. *Thucydides*. Ed. Didot. VIII. 68. «Antiphon... qui in populi quidem concionem non prodibat neque alibi sua sponte ad certamen ullum, sed qui propter eloquentiae vim multitudini suspectus esset, eos tamen qui vel in iudicio vel apud populum certabant, quisquis cum aliqua de re consulisset, hic unus vir plurimum juvare poterat» etc.

² *Demosthenes*, Ed. Didot, p. 257 (adversus Leptin.): «Quarum rerum leges nullae sunt; de iis ex animo iustissime discreturus...».

responsum prudentum). Всегдашнимъ идеаломъ аѳинской демократіи было уменьшеніе числа законовъ. По мнѣнію государственныхъ людей, все законодательство слѣдуетъ свести къ нѣсколькимъ частнымъ правиламъ и сдѣлать доступнымъ пониманію самаго темнаго гражданина. Подобное упрощеніе не дастъ никому повода возмущаться обиднымъ сознаніемъ о превосходствѣ чужаго знанія надъ собственнымъ невѣжествомъ¹. Едва-ли можно придумать болѣе характерное выраженіе для тѣхъ безусловныхъ понятій о равенствѣ, которыя господствовали въ Аѳинахъ!

Но если таковы были убѣжденія передовыхъ людей, еще понятнѣе неблагосклонное настроеніе массы, о которомъ сказано выше. Спеціальныя занятія правовѣдѣніемъ могли показаться рѣшительною попыткою стать выше демоса, повелѣвать совѣстью судей и наложить руку на управленіе государствомъ. Законодательство запрещало такъ-называемымъ прагматикамъ занимать, долѣе 2-хъ лѣтъ, секретарскія должности при одномъ и томъ-же сановникѣ (архонтѣ, стратегѣ и проч.). Почему? Прагматики были единственнымъ классомъ людей, которые серьезно изучали законы, а демократія боялась вліянія юристовъ на выборныхъ и малосвѣдующихъ сановниковъ. Ревнивый страхъ демоса могъ только увеличиться, если къ опасному знанію правовѣда приходило краснорѣчіе — сила, которая обаятельно дѣйствовала на впечатлительныхъ аѳинянъ. А если-бы юристы-ораторы составили изъ себя отдѣльное общество? Если-бы они образовали могущественную республику въ республикѣ? Подобное явленіе представлялось чудовищнымъ для демоса, который не мирился съ мыслию о превосходствѣ отдѣльныхъ лицъ надъ массою.

¹ *Demosthen. Ibidem. p. 253.* «Ut singulis de rebus leges singulae sint... Ut eadem legere et discere simplicia et perspicua liceat omnibus... Neque homines imperitos id ipsum turbet et efficiat, ut hi deteriore conditione sunt quam qui universas sciant» etc.

Все это должно было имѣть рѣшительное вліяніе на судьбу адвокатуры. Нельзя довольствоваться катоновскимъ опредѣленіемъ судебного оратора (*vir bonus, dicendi peritus*). Кромѣ нравственныхъ качествъ и таланта, юридическое образованіе, вмѣстѣ съ сознаніемъ о достоинствѣ независимой профессіи, необходимы для адвоката. Но нерасположеніе къ правовѣдѣнію, при сосредоточенности на политическихъ и философскихъ вопросахъ, помѣшало образованію отдѣльнаго класса юристовъ. А профессія адвоката, которая не опирается на науку о правѣ, лишена одного изъ жизненныхъ условій. Въ аѳинскомъ обществѣ, мѣсто образованнаго законовѣда заняли риторы и софисты, которые могли создать однихъ логографовъ. Выше было показано, что общество не уважало этихъ торговцевъ рѣчами. Оно только терпѣло ихъ, прощая отдѣльнымъ лицамъ логографію за блестящіе дарованія и политическія заслуги. Не адвокатство, но государственное ораторство и управленіе дѣлами дали вліяніе и славу Периклу съ Демосоеномъ. Значить, не имѣлось еще одного изъ существенныхъ условій для правильного развитія сильной адвокатуры. Кромѣ того, въ Аѳинахъ встрѣчаются между простыми гражданами ассоціаціи или товарищества для взаимной защиты¹. Если связь между членами общества дѣйствительно доходила до совмѣстнаго веденія тяжбъ и уголовныхъ процессовъ, тогда возникало соперничество, невыгодное для адвокатовъ. Во всякомъ случаѣ, однимъ изъ юридическихъ отношеній въ филахъ, которыя оставались нетронутыми до Клейсоена, была взаимная защита для сочленовъ фратріи или гена. Слѣдовательно, до извѣстной степени, древній обычай этотъ дѣлалъ излишнимъ пособіе спеціальнаго защитника. Но важнѣе всего было вліяніе основнаго положенія, по которому всякій долженъ защищаться на судѣ, не прибѣгая къ чужой помощи.

¹ Ср. *Meier u. Schömann*, S. 709. Nota 21.

Самъ Аристотель¹ даетъ философскую опору этому закону. «Стыдно, говорить онъ, не уметь отразить силу физическою силою; но еще постыднѣе не защитить себя словомъ, которое болѣе тѣлесной мощи свойственно человѣку».

Къ чему-же были спеціальные юристы, если такъ легко изучить немногочисленные законы? За-чѣмъ устроенная адвокатура и прокуратура, если каждый обязанъ выполнять роль обвинителя и защитника? Въ полномъ согласіи съ характеромъ и политическимъ устройствомъ афинянъ, не возникло здѣсь коллегіальныхъ судовъ и магистратуры, имѣвшихъ значительное вліяніе на развитіе адвокатуры у другихъ народовъ. Лишь ареопагъ составлялся изъ пожизненныхъ членовъ. Но учрежденіе это было отодвинуто на дальній планъ выборными комиссіями присяжныхъ дикастовъ. Неустойчивость и подвижность—отличительныя черты афинской демократіи. Нигдѣ не видно тѣхъ условій, которыя содѣйствуютъ обособленію и возвышенію юридическаго труда, во всѣхъ формахъ его. При такихъ данныхъ, трудно было создать вліятельную профессію, а еще труднѣе устроить сильную корпорацію адвокатовъ въ государствѣ.

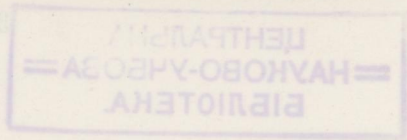
Теперь можно рѣшить—извѣстно ли Афиняамъ такое учрежденіе, которое вполнѣ отвѣчало бы современному понятію объ адвокатурѣ? И существуетъ ли различіе въ одномъ названіи, какъ полагають это нѣкоторые, весьма почтенные писатели?² Если

¹ Rethor. I. 1. § 12. Ed. Didot. «Praeterea vero absurdum est, si corpore quidem turpe sit non posse sibi ipsi opitulari, oratione vero turpe non sit; quae magis propria est hominis, quam corporis usus» etc.

² Mollet, Règles sur la profess. d'avocat. 1866. Leberquier, Le barreau moderne, 1861.—Вотъ слова Молло: «Qu'importe le nom ou le titre que l'on ait assigné à ceux qui parlaient pour autrui, avec ou sans rémunération, soit dans les affaires politiques et criminelles, soit pour défendre des intérêts privés et civils. N'est-il pas évident qu'en cela ils ont rempli l'office d'avocat?» etc. I. 186.

дѣло идетъ о словахъ, то, конечно, споръ бесполезенъ. Но вопросъ о различіи между адвокатурою Аѳинъ и ново-европейскихъ обществъ затрагиваетъ основныя начала устройства и общественную роль учрежденія. Принципъ современныхъ законодательствъ таковъ, что адвокатъ необходимъ и считается, если можно такъ выразиться, органическою частью каждаго процесса. Никто не выразилъ лучше Фейербаха этотъ взглядъ, общій всему образованному міру. «Умъ и знаніе, даръ слова и бойкое перо» — говоритъ германскій криминалистъ¹ — «обратились въ силу, которая служитъ праву, съ той поры, какъ кулакъ и мечъ перестали ратовать во имя закона. Всѣ обладаютъ правами, но немногіе — силою. Потому-то сама справедливость возводитъ этихъ «немногихъ» въ роль представителей и защитниковъ для «многихъ». — Люди, способные защищать другихъ, не всегда годны отстаивать самихъ себя по той причинѣ, что искуснѣйшій врачъ поручаетъ иногда свое лѣченіе собрату». И такъ, современный міръ представляетъ положеніе: нѣтъ ничего труднѣе, какъ быть защитникомъ своего дѣла. Греческая цивилизація вѣритъ въ такую истину: нѣтъ защитника лучше себя самого. Полагаемъ, что нельзя придумать болѣе рѣзкаго противорѣчія между коренными началами той и другой защиты. — Отсюда произошли многочисленныя послѣдствія; народились такія частности, изъ которыхъ видна не менѣе глубокая рознь между двумя соименными учрежденіями. Припомнимъ тѣ основанія, по которымъ привлекались къ дѣлу синегоры и параклеты: родство или дружба къ одной сторонѣ, ненависть къ другой. Ясно, что порядокъ этотъ не имѣлъ ничего общаго съ теперешнимъ. Адвокатъ призывается не по родству съ под-

¹ *Feuerbach, Betrachtungen etc. Cp. Gneist, Die freie Advocatur. H. Jacques, Die freie Advoc. u. ihre legislative Organisation. 1868. Ss. 9. 70—77. Daniel, On advocacy as connected with the administration of Justice. Papers read bef. the jurid. society. 1857. S. 304.*

судимымъ, еще менѣе по ненависти его къ обвинителю, а потому что онъ специалистъ въ дѣлѣ защиты.—Въ Аѳинахъ, защита имѣетъ характеръ частнаго отношенія. Она разрѣшается судьями, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, какъ-бы изъ снисхожденія къ слабости главной стороны. Въ новомъ мірѣ, тотъ-же фактъ является законнымъ и общественнымъ. — Синегоръ только дополняетъ рѣчь главной стороны. Онъ нуженъ главнымъ образомъ для реплики, вторичнаго возраженія. Лишь случайное совпаденіе знаній и таланта съ ролью синегора даютъ его защитѣ первенствующее значеніе. Современный адвокатъ избавляетъ кліента отъ судебной рѣчи и защищаетъ главнымъ образомъ сущность дѣла (*Il plaide au fond*, какъ выражаются французскіе юристы). — Синегоръ не заключаетъ съ подсудимымъ такого договора, который бы признавался на судѣ за законное соглашеніе. Отношеніе современнаго адвоката къ своему кліенту всегда составляетъ юридическое обязательство. — Далѣе, переходя къ параклету, мы видимъ, что защита его состоитъ въ панегирикѣ подсудимому. Онъ желаетъ разжалобить судей, не касаясь сущности дѣла, изложеннаго главной стороной. Но современный адвокатъ теряетъ свое достоинство и погрѣшаетъ противъ интересовъ кліента, если впадаетъ въ голословныя похвалы, оставляя въ сторонѣ сущность дѣла. Наконецъ, современный адвокатъ долженъ говорить свою рѣчь, а синегоры, и быть можетъ даже параклеты, за-частую ораторствовали по заученному и чужому тексту.¹ Злоупотребленіе, особенно постыдное и даже невозможное въ современной адвокатурѣ, было терпимымъ обычаемъ въ адвокатурѣ греческой. — Но что ска-

¹ См. выше объ участіи Аполлодора въ процессѣ Θεομνηστα. Ср. *Egger, Mémoires de litt. anc.* p. 367 etc. «Certains hommes recherchaient habituellement le rôle de défenseur devant les tribunaux, où ils récitaient soit leurs propres discours, soit les discours composés pour eux par un logographe» etc.

затѣ о логографахъ? Они составляютъ своеобразнѣйшее явленіе, нѣчто единственное (*unicum*), какъ выражается Гнейстъ о прусскихъ «ассистенцъ-ратахъ». У логографовъ нѣтъ и приближительнаго подобія съ ново-европейскими адвокатами, включая сюда нѣмецкихъ защитниковъ по кодексу канцлера Кокцеи. Современные адвокаты пишутъ иногда записки по дѣламъ. Но открытая форма мемуара не облачаетъ таинственностью имя автора. Между тѣмъ рѣчи логографовъ составляли вѣтъ-судебный актъ, не имѣвшій значенія, пока текстъ не произносился главною стороною. Логографія игнорируется, и до IV столѣтія преслѣдуется закономъ. Въ одной подобной чертѣ лежитъ неизмѣримое разстояніе между греческою и новою адвокатурою. Изъ одной этой розни произошли, въ свою очередь, безчисленные послѣдствія.

Благодаря законному и открытому участию защитника, теперь менѣе возможенъ торгъ адвокатскою совѣстью, что сплошь да рядомъ встрѣчается на судахъ Греціи. При этомъ не берутся въ расчетъ однѣ дюжинныя личности (*advocati minores*, по выраженію римлянъ). Адвокаты высочайшихъ талантовъ позволяютъ себѣ такія дѣйствія, отъ которыхъ съ презрѣніемъ отвернется масса посредственныхъ дѣльцовъ въ современномъ обществѣ. Перебирая самые громкіе процессы греческихъ судовъ, можно открыть возмутительныя нарушенія честности и деликатности профессіи. Лучшіе изъ аѳинянъ — люди, славные своимъ патріотизмомъ и самопожертвованіемъ на пользу республики — являются въ сомнительномъ свѣтѣ какъ адвокаты. Видно, что польза, деньги и вообще практическіе расчеты стоятъ на первомъ планѣ. Вопросы о справедливости дѣла, о честности и невинности кліента весьма мало занимаютъ защитниковъ. Послѣдніе дѣйствуютъ какъ истые ученики софистовъ и риторовъ. Они упражняются въ діалектикѣ, отстаивая нынче то, на что нападали вчера, съ театральною энергіей возмущенной добро-

дѣтели. Какъ опредѣлить роль адвоката, который пишетъ четыре обвинительныя рѣчи для кляузнаго богача, и затѣмъ внезапно переходитъ на сторону его противника? Кажется, изготовляя рядъ длинныхъ и образцовыхъ защитъ, можно достаточно взглянуть въ истину. Оставленіе кліента при подобныхъ условіяхъ есть самая грубая измѣна адвокатскому долгу (*perjuratio*). Но это не все. Процессъ покинутого кліента проигрывается, хотя имѣетъ близкое отношеніе къ прежнимъ дѣламъ, которыя успѣшно окончены съ помощью знаменитаго адвоката. И лишь-только приводится въ исполненіе рѣшеніе, какъ тотъ-же адвокатъ снова поворачиваетъ къ своему ex-клиенту по 4-мъ процессамъ и пишетъ громовую рѣчь противъ главнаго свидѣтеля со стороны соперника, выигравшаго тяжбу.

Не легко сказать, что подобная тактика принадлежит Демосфену, личность котораго не выгодно раздвояется, если разсматривать его какъ политическаго и какъ судебнаго оратора.¹ Строго, но правдиво замѣтилъ древній писатель (Плутархъ): «не значить ли это взять два меча изъ одного склада и выгодно продать ихъ людямъ, которые намѣрены перерѣзать другъ другу горло?».

Не менѣе отрицательны тѣ заключенія, которыя можно сдѣлать объ ораторскихъ приемахъ у греческихъ адвокатовъ. Есть, безспорно, рѣчи, гдѣ защитникъ опирается на силу логики, при необыкновенномъ искусствѣ сгруппировать факты и доказательства, при остроумномъ выводѣ рѣшительныхъ заключеній изъ того, что покажется незначительною частностью для неопытнаго гла-

¹ Ср. *Curtius, Griech. Geschichte. III. «Demosthenes als Sachwalter»*. Прекрасная, но нѣсколько идеальная характеристика Демосфена, какъ частнаго адвоката. Осторожнѣе въ своемъ приговорѣ Эгжеръ, который признаетъ погрѣшности великаго оратора, но ищетъ смягчающихъ обстоятельствъ въ формахъ греческой адвокатуры.

за¹. Но не одни такіа произведенія насчитываются знатоками греческой литературы. Большею частію, адвокаты прибѣгаютъ къ личнымъ доводамъ (*argumenta ad hominem*) въ пользу или противъ извѣстныхъ сторонъ. Вахсмутъ приводитъ содержаніе одной рѣчи, гдѣ логографъ Антифонъ принялъ такую систему защиты: «NN любимецъ боговъ, потому что богатъ, а кого любить боги, тотъ не можетъ быть осужденъ за преступленіе»². Съ другой стороны, если противникъ кліента богатъ, то сочинитель рѣчи съ ловкостью набрасывалъ подозрѣніе на источникъ обогащенія. Тутъ адвокатъ софистически выставлялъ обратную сторону медали. Богачъ гордъ и презираетъ народъ. У такого человѣка не можетъ быть искренней преданности къ народовластію; въ глубинѣ души, онъ всегда съ олигархами и т. п. Въ немногихъ случаяхъ, юридическіе доводы берутъ верхъ надъ голымъ изложеніемъ фактовъ, перечисленіемъ законовъ или нравственныхъ сентенцій. И опять слѣдуетъ замѣтить, что самъ Демосѳенъ не всегда избѣгаетъ личныхъ доводовъ³. Деликатность современной профессіи нашла бы возмутительными адвокатскіе приемы въ упомянутомъ уже процессѣ противъ Нееры. Здѣсь честь и достоинство жены подвергаются нападенію лишь для того, чтобы повредить мужу. Еще печальнѣе такой фактъ, когда выносятся на публичный позоръ доброе имя матери клі-

¹ Кромѣ рѣчей Демосѳена, сравн. извлеченія изъ тетралогіи Антифона у *Ottfr. Müller'a*.

² *Wachsmuth*, *Hellenische Alterthumskunde*. 2 B. S. 275.

³ Какъ одинъ изъ многихъ примѣровъ, см. *Exceptio pro Phormione*, p. 449. «Te chlamydem gestare, et aliam redemisse aliam collocasse meretricem, eaque te facere, quum uxorem habeas, et tres pueros pedisequos circumducere et ita luxuriose vivere» etc. Сравн. также заключеніе рѣчи противъ Макартата (p. 565): *Atque illos ipsos vobis supplicare iudicibus, ne sua familia exstinguatur ab immanibus istis belluis etc.*

ента. Подобныхъ пріемовъ нельзя закрасить оправданіемъ, что богачу-кліенту выгодно доказать незаконное рожденіе младшаго брата ¹.

Но довольно и этихъ примѣровъ. Соображая все сказанное, видно, что споръ идетъ не объ однихъ словахъ, а объ серьезной сущности дѣла. Нельзя относиться съ равнодушіемъ къ частностямъ, которыя всегда и вездѣ готовятъ общій выводъ. Мало того, что извѣстное законодательство допускало защиту. Нужно знать: на какихъ основахъ устроилась и какъ дѣйствовала адвокатура у даннаго народа? Тогда яснѣе будутъ сходство и особенности однородныхъ учреждений. — Своеобразное греческое учрежденіе не имѣетъ общественнаго значенія и нравственнаго достоинства, какими должна обладать адвокатура. Явленія этого не объяснять одни общія замѣчанія о моральной немощи языческаго міра. Едва-ли не самая важная причина заключается въ органическихъ порокахъ учрежденія. Будучи сама послѣдствіемъ сложныхъ причинъ, логографія послужила главнымъ источникомъ адвокатской безнравственности. Скрываясь за текстомъ рѣчи, можно съ особенною легкостью забыть объ обязанностяхъ и чести защитника, упустить изъ виду средства и преслѣдовать одну корыстную цѣль. Судъ согражданъ надъ талантомъ адвоката, нравственная отвѣтственность за участь кліента: все это безразлично для логографа. Трудно найти болѣе сильный доводъ (а *contrario*) въ пользу строгаго контроля общественнаго мнѣнія надъ гласною дѣятельностью независимой, по устройству своему, адвокатуры.

Послѣ всего сказаннаго, невозможно согласиться съ мнѣніемъ, будто бы въ самое отдаленное время установились у грековъ правила профессіи ². При Драконѣ, въ коммиссіяхъ эфетовъ,

¹ *Demosthen. Orat. in stephanum prior*, p. 591.

² *Mollot. P. I. 184*. Авторъ слѣдуетъ здѣсь за писателемъ XVIII стол. *Бушэ д'Аржи (Boucher d'Argis)*, *Hist. abr. de l'ordre*

не видно участія защитника. Да и трудно предположить ихъ, зная формы судопроизводства въ палладіумѣ, дельфиніумѣ, фреаттисѣ и пританеѣ¹. О процессѣ въ ареопагѣ совершенно умалчиваетъ строгій тесмотетъ аѳинскій. Разбирательство чрезъ посредниковъ (діэтетовъ) — глубоко древнее учрежденіе въ Греціи какъ и повсюду — также не представляетъ никакихъ данныхъ для адвокатуры. Что-же касается Солона, то за нимъ признается лишь одно правило (о защитѣ дѣлъ главными сторонами), которое *implicite* исключало адвокатское занятіе. Предписывать въ VI-мъ столѣтіи правила и условія для логографовъ нельзя было потому, что первый изъ нихъ жилъ въ концѣ V-го столѣтія передъ Р. Х. Притомъ несовершеннолѣтіе, рабство, отсутствіе ценза, расточеніе отцовскаго имущества, неплатежъ государственнаго долга или безнравственная жизнь — обстоятельства, при которыхъ будто бы нельзя быть защитникомъ въ Аѳинахъ² — не могли служить препятствіемъ для скрытаго ремесла, долго непризнаваемаго закономъ. Отъ синегоровъ и параклетовъ — какъ показано выше — требовались своего рода условія. А выступать защитникомъ собственнаго дѣла можно было и на 19-мъ году, какъ извѣстно это изъ процесса противъ опекуновъ Демосоена. Значительно позже Солона, ни Клейсоевъ,

des avocats, chap. III. У Бущѣ читаемъ мы слѣдующее: Les lois que Dracon et Solon avaient faites continuèrent d'y être observées depuis que l'éloquence y eut été introduite par Périclès etc.

¹ Ср. *Grote, History. III. Athens before Solon.—Schoemann, Antiquitates. — Wachsmuth, Hellenische Alterthumskunde* и проч. У Шеманна (l. c. p. 282. «De judiciis») читаемъ мы такое общее замѣчаніе объ адвокатурѣ въ древне-греческомъ процессѣ: *Orari causas ab ipsis litigantibus leges voluerunt, quæ res multos conscriptas sibi ab aliis orationes se discere coegit, quibus in judiciis uterentur etc.*

² Срав. *Potter, Archaeol. Græca*, гдѣ собраны всѣ мѣста изъ греч. писателей по этому вопросу.

ни другіе учредители демократіи, не внесли въ свои реформы никакихъ мѣръ по устройству адвокатуры. Геліэя и дикастеріи, гдѣ судили присяжные,—процессы, въ которыхъ участвовали Исократъ, Лизіасъ, Изей, Демосоевъ и Гиперидъ, не представляютъ слѣдовъ законодательной дѣятельности по этому предмету. Выше было показано, какую роль играли тамъ защитники. Можно ли послѣ этого говорить о болѣе древнихъ правилахъ для адвокатовъ? Прежде чѣмъ предписывать адвокатскую дисциплину, нужно было создать защитниковъ. Въ другихъ странахъ, уставы и обычаи слагались чаще всего долговременною жизнію адвокатуры¹. Иногда законодательная власть принимала на себя усовершеніе древняго учрежденія. Никогда еще власть эта не создавала важный институтъ одною искусственною силою предписанія. Вѣрнѣе такое замѣчаніе: не только дисциплина, но и самая профессія не установлены ни однимъ изъ законодателей афинскихъ. Опредѣленія ихъ касаются не адвокатовъ, но политическихъ ораторовъ. Къ этой послѣдней категоріи слѣдуетъ отнести такъ называемыхъ «синдиковъ», которые назначались отъ правительства для защиты постановленій, предложенныхъ къ отмѣнѣ въ законодательной комиссіи (номотетовъ). Лишь однажды выступаетъ Демосоевъ въ качествѣ правительственнаго синдика и защищаетъ вмѣстѣ съ Ликургомъ гражданина, который обвиненъ въ государственномъ

¹ Намъ совершенно неизвѣстны взгляды самихъ греческихъ адвокатовъ на обязанности защитника. Только въ собраніи матеріаловъ для римской адвокатуры (*Henriot*, III, 239) случайно попала такая сентенція Исократа: «Nulli pravæ rei nec assista, nec patrocina; videberis enim et ipse committere talia, qualia ii, quibus succurris, perpetrarunt. Vix est, ut qui improbas lites fovet, improbus non sit». Отсюда видно, что Исократъ категорически запрещалъ защиту дѣлъ сомнительныхъ. Но правило это не имѣло большаго значенія на практикѣ.

преступленіи. Фактъ этотъ весьма любопытенъ; но изъ него нельзя выводить постояннаго правила объ офиціальномъ назначеніи адвокатовъ въ публичныхъ искахъ. Самый процессъ таковъ, что обвиненіе противъ сикофанта Аристогитона тѣсно соединяется съ ролью защитниковъ Аристона. Притомъ Демосеенъ сопровождаетъ рѣчь свою объясненіями, изъ которыхъ видно, какъ рѣдки и опасны были подобные случаи въ Аѳинахъ¹. Офиціальнаго назначенія защитниковъ по частнымъ искамъ не представляетъ ни одна изъ рѣчей Демосеена. Вообще правила для адвокатовъ оказываются шаткими и неопредѣленными.

Отсюда не слѣдуетъ заключать, чтобы суды аѳинскіе были безначальнымъ учрежденіемъ, гдѣ безнаказанно допускались всякія нарушенія порядка. Правда, сами тяжущіеся, параклеты и синегоры привлекали съ собою дѣтей, женщинъ и стариковъ-родителей, вопли и скорбь которыхъ должны смягчать судей. Былъ придуманъ особенный «жезлъ плачущихъ» (*iketeria*² — предметъ жестокихъ насмѣшекъ Аристофана). Въ судебныхъ рѣчахъ видна привычка болѣе умиловать, чѣмъ убѣждать судей³. Въ многочисленныхъ дикастеріяхъ, гдѣ не было специальныхъ юристовъ, воззванія къ чувству и страсти брали перевѣсъ надъ дѣловымъ краснорѣчіемъ. Немаловажную роль играла здѣсь логографія. Составители рѣчей поддѣлывались подъ характеръ тяжущихся и подсудимыхъ. Чаще всего приходилось

¹ *Demosth.*, Contra Aristogiton. I, 404. Ego in concionibus quum viderem constitui me a vobis et deligi ad istius accusationem, aegre tuli... neque enim ignorabam eum qui tale munus apud vos obisset, non sine malo obituum etc.

² *Ernesti*, Graecum Lexicon man.: «Oleae ramus lana velatus, qualem gestabant supplices» etc.

³ Ср. у Демосеена (advers. Leocharem), 566: Oro autem vos, Iudices, ut et patri huic meo et mihi opem feratis... neque negligatis homines pauperes et inopes etc.

имѣть дѣло съ необразованными людьми. Странно было бы Демосфену или Лизіасу вложить блестящую и тонкую діалектику въ простыя уста, незнавшія иныхъ оттѣнковъ рѣчи, кромѣ навязчивыхъ просьбъ и грубой укоризны¹. Случалось, что раздраженіе народа дѣйствовало на предсѣдателей дикастерій, которые никогда не имѣли юридическаго значенія и внѣшняго достоинства римскихъ преторовъ. Тесмотеты и пританы забывали роль свою, становясь защитниками одной стороны противъ другой. Особенно часты бурныя засѣданія къ концу греческой независимости, когда судьи, увлекшись политическими страстями, приговаривали къ атиміи (потерѣ гражданскихъ правъ) всякаго, кто усновлялъ дѣтей казненнаго преступника. Лишь въ ареопагѣ удержались до конца болѣе умѣренныя и твердыя правила, быть можетъ подтвержденныя послѣ театральной выходки адвоката Гиперида съ Фриною. Вѣроятно, къ эпохѣ полнаго развитія аѳинской демократіи относится законъ, который грозитъ смертію за оскорбленіе сановника при отправленіи имъ судебной или иной должности. Тогда-же могли быть сдѣланы постановленія противъ неприличныхъ обращеній къ судьямъ, запрещены оскорбленія свидѣтелей или противниковъ и т. п. Судьямъ и, быть можетъ, предсѣдателю дано право остановить оратора въ случаѣ неполнаго или неяснаго изложенія дѣла. Есть основаніе предполагать злоупотребленія дисциплинарною властію². Но, во-первыхъ, запрещеніе не имѣетъ въ виду однихъ защитниковъ: это общій законъ, подъ который подходятъ сами тяжущіеся и параклеты съ синегорами, будутъ ли они

¹ *Schömann*, l. c. Erant etiam orationes plerumque non solum ad docendos iudices compositæ, sed ad permovendos invidia aut gratia, ira aut misericordia animos, adhibebanturque advocati... quidquid denique ad conciliandos flectendosque auditores pertinere videbatur etc.

² *Meier* u. *Schömann*, D. Att. Process.

произносить свои собственные рѣчи, или тѣ, которыя изготвлены наемными логографами. Во-вторыхъ, дисциплинарныя правила судовъ не имѣютъ исторической связи съ законодательствомъ Дракона и Солона. Есть поводъ думать, что позднѣйшій опытъ навелъ на мысль объ уставѣ, когда обозначались злоупотребленія многолюднаго суда присяжныхъ. Вѣроятно, тѣмъ-же путемъ дошли до правила о сокращеніи судебныхъ рѣчей, продолжительность которыхъ должна была опредѣляться клепсидрою. Присутственный день раздѣленъ на три равныя части. Двѣ трети назначались для состязаній между противниками, а одна треть для присяжныхъ, которые приступали къ двойной подачѣ голосовъ, если не было опредѣленной мѣры наказанія за преступленіе.

Такова греческая адвокатура, или, точнѣе, учрежденіе, слабыя и неправильныя формы котораго имѣютъ подобіе адвокатуры. Нѣтъ никакого основанія считать греческія постановленія первообразомъ и примѣромъ для позднѣйшаго времени¹. Въ важныхъ публичныхъ искахъ назначается ораторъ для обвиненія. Онъ долженъ главнымъ образомъ мстить за оскорбленныя законы и при этомъ, лишь косвенно, защищаетъ то лицо, которое пострадало отъ преступленія. Въ большинствѣ случаевъ, по искамъ публичнымъ и частнымъ, главная сторона сама ведетъ свою защиту и, только съ разрѣшенія судей, призываетъ къ себѣ посторонняго оратора. Отъ случайныхъ обстоятельствъ зависитъ — какъ призывъ защитника, такъ и помощь, которую оказываетъ онъ призвавшему. Иногда защитникъ отстаиваетъ сущность дѣла (*plaide au fond*). Чаше онъ лишь поддерживаетъ рѣчь главной стороны. Только въ чрезвычайныхъ случаяхъ — малолѣтства, болѣзни, слабаго пола — бываетъ полная замѣна подсудимаго постороннимъ лицомъ. Такъ, въ процессѣ

¹ *Mollot*, l. c. 182.

Фрины всю рѣчь, отъ начала до конца, произносить адвокатъ. Такъ, въ одномъ изъ демосееновскихъ дѣлъ (противъ Макаратата), вмѣсто главной стороны (малолѣтняго наслѣдника) говоритъ отецъ, по тексту, сочиненному знаменитымъ логографомъ¹. Но такое отношеніе ближе къ законному, чѣмъ къ свободному представительству. Повѣренныхъ вовсе нѣтъ въ Греціи. Защитники - ораторы имѣютъ частный характеръ. Не существуетъ адвокатскаго общества или корпораціи. Самая профессія логографовъ недостаточно выдѣлилась отъ школьной дѣятельности риторовъ и софистовъ. Лишь къ концу греческой независимости, появляется въ обществѣ убѣжденіе о пользѣ и необходимости посторонней, но безденежной защиты. Только тогда было поздно подводить новый фундаментъ подъ старое зданіе.

Сравнительно съ восточными учрежденіями, въ Греціи яснѣе и опредѣленнѣе высказано правило, что безъ судебной защиты (ведется ли она главною стороною или, какъ исключеніе, лицомъ постороннимъ) нѣтъ правосудія. Но, переходя отъ заявленія идеи къ ея осуществленію, наука можетъ только показать, что, въ устройствѣ судебной защиты, греки остановились на первомъ шагѣ впередъ отъ теократическаго востока.

¹ *Demosth. Orat.*—p. 547 etc. По видимому, Діонисій не заявлялъ никакихъ сомнѣній на-счетъ авторства этой рѣчи, чѣмъ и доказывается участіе Демосеена въ запрещенномъ ремеслѣ логографа. Ср. *Blass, Die griechische Beredsamkeit etc. S. 214 etc.*

III.

Р И М Ъ.

Римскія учрежденія начинаютъ развитіе свое съ того пункта, котораго не обошелъ ни одинъ народъ въ мірѣ. По словамъ Геринга, въ Римѣ «право и религія были близнецами, которые провели первое время жизни въ тѣсной связи, поддерживая и дополняя другъ друга». Коллегія жрецовъ, набиравшаяся изъ аристократовъ, толковала духовные и свѣтскіе законы остальному, непосвященному народу. Право переходило изъ рода въ родъ, какъ преданіе. Законовѣдѣніе было наслѣдственнымъ призваніемъ аристократическихъ семействъ, которые ревниво охраняли свою привилегію. Привилегія эта давала имъ едва ли не большую власть, чѣмъ греческимъ эвпатридамъ. Римское право, съ первыхъ моментовъ своихъ, труднѣе и сложнѣе греческаго. Аристократія квиритовъ надменнѣе и энергичнѣе именитыхъ родовъ Аттики. Рѣзкое обособленіе между привилегированными правовѣдами и остальною массою — фактъ историческій, неопровергнутый сомнѣніями новѣйшей критики. Цицеронъ указываетъ на то, что патриціямъ было выгод-

но придерживать въ своихъ рукахъ юридическое знаніе¹. Помпоній начинаетъ сходнымъ замѣчаніемъ древнѣйшую исторію римскаго права. Вотъ почему, за-долго до XII таблицъ, установилось такое отношеніе, что только знатный и свѣдущій человекъ (патронъ) могъ защищать на судѣ несвѣдущихъ — служилыхъ и даже неслужилыхъ — людей. Необходимость постоянно увеличивала толпы кліентовъ новыми людьми изъ среды свободныхъ плебеевъ. Безправная независимость была предпочтена подчиненному положенію, которое ограждалось вліятельнымъ патронатомъ. При такихъ условіяхъ, не могъ возникнуть въ народѣ особый классъ защитниковъ. Аристократія и судебный патронатъ слишкомъ сильно срослись между собою. Патриціи на-столько же воины и крупные землевладѣльцы, на-сколько правовѣды и адвокаты. Вѣрнѣе — опредѣлять судебную роль ихъ законнымъ представительствомъ, которое замѣняло вольную профессию защиты. Аристократическая идея патроната на-всегда осталась въ римской адвокатурѣ. Цицеронъ замѣчаетъ съ патриотическою гордостью, что защита подсудимыхъ, отданная презрѣнному и продажному классу у грековъ, находится въ рукахъ лучшихъ людей римской республики². До послѣднихъ временъ политической свободы, римскій адвокат называется «патрономъ». Другія наименованія (*causidicus*, *advocatus*, особенно послѣднее) окончательно замѣнили древнее выраженіе значительно спустя послѣ Цезаря и Августа, когда настали инныя

¹ *Cicero*, De oratore, I, 41. Veteres illi qui huic scientiae prae-fuerunt, obtinendae atque augendae potentiae suae causa pervulgari artem suam noluerunt etc. Cp. *Pompon. Dig. Lib. I. T. 2. § 25...* «Ceteri autem vel in latente jus civile retinere cogitabant» etc.

² *Cicero*, l. c. Itaque ut apud Graecos infimi homines mercedula adducti ministrant se in judiciis... sic in nostra civitate contra amplissimus quisque et clarissimus vir etc.

судьбы для Рима¹.

И такъ, римская адвокатура находится въ исторической связи съ судебнымъ патронатомъ патриціевъ, которые во многомъ напоминаютъ эвпатридовъ. Но греческая адвокатура весьма мало похожа на римскую, по замѣчанію компетентнаго судьи, Цицерона. Откуда же это различіе?

Не разъ было замѣчено, что учрежденія грековъ и римлянъ тѣмъ ближе между собою, чѣмъ древнѣе ихъ исторія. Положеніе это возведено на степень истины одною изъ лучшихъ монографій, которыя когда-либо издавались въ Германіи². Но любопытенъ и не менѣе очевиденъ тотъ фактъ, что сходство греко-римскихъ учреждений (быть можетъ, результатъ общегреческаго происхожденія) не доходитъ до закона XII таблицъ. Аѳинское и римское общества V-го столѣтія до Р. Х. представляются намъ совершеннымъ контрастомъ. Въ то время, какъ Периклъ сдерживалъ изящною рѣчью своею аѳинянъ, въ Римѣ безыскусственно и сурово говорили съ народомъ децемвиры. Греки V-го столѣтія слушали уже разсужденія о томъ, что «правда и законъ придуманы для порабожденія людей». Римляне съ религіознымъ уваженіемъ относились къ таблицамъ, въ которыхъ только-что дана была первая и желанная «правда» народу. Греки засѣдали въ многочисленныхъ дикастеріяхъ, гдѣ самъ народъ судилъ важнѣйшія гражданскія и уголовныя дѣла, безъ участія презираемыхъ юристовъ. Въ Римѣ, не смотря на собранія по центуріямъ и трибамъ, судила еще, съ соблю-

¹ Ср. извлеченія изъ Асконія у *Henriot*, «Moeurs juridiques et judiciaires de Rome». III. p. 93: «Qui defendit alterum in judicio aut patronus dicitur, si orator est; aut advocatus, si aut jus suggerit, aut praesentiam suam commodat amico; aut procurator, si negotium suscipit» etc.

² *Rosbach*, Untersuchungen über die röm. Ehe. Сравни. относит. государственныхъ учрежденій *Coulanges*, La cité antique.

деніємъ *actionis sacramenti*, коллегія жрецовъ, т. е. спеціаль-
ныхъ юристовъ¹. Въ Греціи, народные суды враждебны юри-
дической техники и формализму. Въ процессѣ изгнана симво-
лика религіознаго періода. Судьи рѣшаютъ дѣла чаще по со-
вѣсти, чѣмъ по закону. Въ судоговореніи избѣгаютъ юридиче-
ской діалектики. Многочисленные и разнообразные иски не имѣютъ
строго-спеціального характера. Дѣло о подлогѣ можно начать
въ тѣхъ-же выраженіяхъ, какія употреблены для иска о гра-
бежѣ. Деньги, вносимыя при началѣ дѣла, идутъ въ государ-
ственную кассу. Въ Римѣ, V-го столѣтія, на судахъ господ-
ствуетъ система, при которой участь иска зависитъ отъ каж-
дой буквы въ формулѣ, предписанной закономъ (*uti lingua nun-
cupassit etc.*). Судебный взносъ (*sacramentum*) берутъ жрецы.
Процессъ переполненъ символическихъ дѣйствій (*manuum con-
sertio, vindicatio*). Не прежде VII столѣтія, встрѣчаются на-
смѣшки надъ глыбами земли, которыя замѣнили на судѣ древ-
ній обрядъ (*deductio*) въ тяжбахъ о недвижимомъ имуществѣ.
Но Цицеронъ, скептикъ въ рѣчи за Мурену, охотно вводитъ
въ другія свои произведенія филологическіе остатки обветша-
лой юридической символики². Діалектика правовѣдовъ строго
спеціальна и чужда всякаго вліянія риторовъ. Судоговореніе не
подымалось еще до уровня блестящаго краснорѣчія въ позднѣй-
шую эпоху. Въ разговорахъ своихъ объ ораторѣ, Цицеронъ съ

¹ *Ihering, Geist d. r. R. I. 262.* Nach den Berichten späteren Referenten wäre in den ersten Jahrhunderten der Republik die Kenntniss, Fortbildung und Handhabung des Civilrechtes ausschliesslich bei jenem Collegium gewesen etc.

² *Cic., pro Mur. 12.—De orat. I. 10.* «Nisi hic in tuo regno essemus, non tulissem multisque praeissem, qui aut interdicto tecum contenderent, aut ex jure manum consertum vocarent» ... Или: «Ornati homines in dicendo et graves quibuscum tibi justo sacramento contendere non licet» etc.

великимъ мастерствомъ изображаетъ типъ кореннаго римскаго юриста, который ставитъ выше всего здравый смыслъ и твердое знаніе отечественныхъ законовъ. «Развѣ ораторы» — спрашиваетъ своего собесѣдника юристъ стараго закала — «изобрѣли гражданскіе законы, которые съ такою славою, но помимо всякаго краснорѣчія, изучаются по наслѣдственному преданію въ моемъ семействѣ?»¹.

Важные перевороты — провозглашеніе республики и кодификація XII таблицъ — случились позже законовъ Солона, но дали толчокъ демократическому движенію. Борьба плебеевъ съ патриціями пріобрѣла твердую опору въ сводѣ писанныхъ законовъ. Древнее учрежденіе патроната пошатнулось передъ натискомъ демократіи. Но составная часть аристократическаго патроната (судебное представительство) пережило патриціевъ. Можно сказать, что государственные и общественные перевороты дали новую силу древнему обычаю судебной защиты. Еще въ періодъ строгой системы законныхъ исковъ, римскій процессъ сдѣлалъ первыя отступленія отъ правила, сходнаго съ древнегреческимъ исключеніемъ постороннихъ лицъ въ защитѣ². Въ четвертомъ столѣтіи отъ О. Р. преторы допустили юридическое пособіе свѣдущихъ или вліятельныхъ людей въ предварительной части процесса (*instructio in jure*). Но во второй половинѣ тяжбы, когда дѣло переходило къ присяжнымъ судьямъ, выступаютъ, кромѣ юристовъ-совѣтниковъ, судебные ораторы. Они произносятъ защитительныя рѣчи въ присутствіи

¹ *Cic. l. c. I. 9, 10.* — Ср. *Bethmann-Hollweg, Civilprocess des gemeinen Rechts* (I. 186, 187), сжатую, но весьма вѣрную характеристику судебного краснорѣчія въ періодъ *Legis actionum*.

² *Institution. l. b. IV. Tit. 10 «De iis, per quos agere possumus».* *Nunc admonendi sumus agere posse quemlibet hominem aut suo nominè, aut alieno... cum olim in usu fuisset alterius nomine agere non posse, nisi pro populo, pro libertate, pro tutela etc.*

обѣихъ сторонъ. Первый процессъ послѣ закона XII таблицъ извѣстенъ изъ разсказа Тита Ливія, подтвержденнаго другими историками¹. Дѣло возникло вслѣдствіе незаконнаго притязанія на свободу римлянки. Судить одинъ изъ децемвировъ, только-что давшихъ писанный законъ. У Виргиніи не видно патрона изъ патриціевъ. Защиту ея ведутъ родственники (*numitorius, icilius*), въ сопровожденіи многочисленной свиты (историки называютъ всѣхъ этихъ лицъ однимъ именемъ; *ingens advocatio*).

Отсюда видно, въ чемъ состоялъ первый шагъ римской адвокатуры послѣ закона XII таблицъ. Монополію патриціевъ по судебной защитѣ приняли на себя граждане, связанные съ подсудимымъ родствомъ, свойствомъ, но не договоромъ². Здѣсь представляется нѣчто подобное той защитѣ, которую могли вести древніе греки по правилу о взаимномъ пособіи на судѣ между членами одной филы.

Бенфей, какъ указано было выше, находитъ сходную форму судебной защиты у современныхъ индусовъ (въ Непалѣ). Но у римлянъ учрежденіе это не остановилось на первой ступени развитія. Кромѣ родства, свойства, другія побужденія стали привлекать постороннихъ лицъ къ дѣлу защиты. Изданія Флавія (449 году) и Элія Секста (543 году отъ основанія Рима) вполне обезпечили самостоятельность простыхъ гражданъ въ дѣлѣ юридическаго знанія. Возникли занятія правовѣдѣніемъ; образовалась вольная профессія, доступная каждому гражданину въ республикѣ. Какъ видно изъ рѣчи Нумиторія за Виргинію, римляне скоро сдѣлались хорошими знатоками своего древняго

¹ *Tit. Liv. III. 44. Dion. Halic. XI. ср. Bethm.-Hollweg. I. c. 184. 185. Nota 6.* Извл. изъ закона XII табл.: «*Quom perorant ambo praesentes*» etc.

² *Livius. Ibidem III. 45. Numitorius, puellae avunculus, et sponsus Icilius interveniunt* etc.

закона¹. Но при формализмъ въ процессѣ и въ матеріальной части законовъ (стоитъ вспомнить систему договоровъ, гдѣ все зависѣло отъ *sponsio*) оказалось существенною потребностью словіе спеціальныхъ юристовъ. Цицеронъ не преувеличиваетъ, говоря, что домъ Муція Сцеволы былъ всегда переполненъ простыми гражданами и знаменитостями республики². Юридическая консультація была дѣломъ первой важности, и правительство на свой счетъ приобрѣтало, вблизи къ форуму, дома для наиболѣе знающихъ и популярныхъ правовѣдовъ. «Я хорошо помню, говоритъ Цицеронъ, какъ Маній-Манилій расхаживалъ взадъ и впередъ по форуму: такимъ способомъ заявляли юристы о желаніи своемъ давать совѣты согражданамъ... Являлись къ нимъ также для консультаціи, когда сидѣли они, по старому обычаю, у порога домовъ своихъ³. И предметомъ совѣщаній бывали, кромѣ тяжёбныхъ дѣлъ, семейные вопросы: о замужствѣ дочери, о покупкѣ земли, о хозяйствѣ и пр.».

И такъ, разнородныя причины вызвали и облагородили профессию законовѣдовъ въ Римѣ. Помогая спеціальнымъ знаніемъ своимъ, люди эти приобрѣтали большое значеніе въ обществѣ и достигали видныхъ должностей въ государствѣ. Политическая роль даровитыхъ людей начиналась и заканчивалась работою юрисконсульта⁴. Но лучшая часть выпадала на долю тѣхъ правовѣдовъ, которые могли посвятить себя адвокатурѣ. За исклю-

¹ *Liv.* I. c. III. 44. *Advocati puellae... dixissent... iniquum esse absentem de liberis dimicare; postulant, ut rem integram in patris adventum differat, lege, ab ipso lata vindicias dat secundum libertatem etc.*

² *De orat.* I. 45. *Mucii janua et vestibulum... frequentia civium ac summorum hominum splendore celebratur etc.*

³ *More patrio, sedens in solio, consulentibus respondere etc.*

⁴ *Senectuti vero celebrandae et ornandae quod honestius potest esse perfugium quam juris interpretatio? etc.*

ченіємъ немногихъ и черезъ-чуръ строгихъ пуристовъ, римляне не ограничивались тщательнымъ изученіемъ текста своего закона («сагмен», какъ выражается Цицеронъ о XII таблицахъ). Они одинаково уважали ораторское дарованіе. Съ давнихъ поръ краснорѣчіе имѣло особаго бога (Fabulinus, Ajus Loquens), и ораторы позднѣйшей эпохи посвящали побѣдные вѣнки главному своему покровителю, Аполлону. Паденіе аристократіи выразилось постепеннымъ допущеніемъ къ избирательнымъ должностямъ всѣхъ гражданъ. Популярность была весьма важнымъ условіемъ для каждаго кандидата; но однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ пріобрѣсти расположеніе юридической націи была защита на судѣ, т. е. адвокатура. Талантливый правовѣдъ сдѣлался патрономъ, вліяніе котораго могло поспорить съ могуществомъ патриціевъ до закона XII таблицъ. Выгодное представленіе римлянъ о юристѣ-ораторѣ перешло къ потомству въ классическомъ выраженіи о превосходствѣ гражданской доблести надъ военною¹. Похвала эта особенно-знаменательна со стороны завоевательнаго народа. Есть цѣлая литература, которая прославляетъ адвокатуру. Овидій съ участіемъ слѣдитъ за жизнью форума. Къ берегамъ Понта дошла талантливая рѣчь какого-то оратора и вызвала у поэта горькія жалобы на судьбу, которая лишила изгнанника счастья «насладиться краснорѣчіемъ изъ самыхъ устъ защитника»².

Иногда дарованіе оратора соединялось съ знатностью происхождения. Такой адвокат находилъ себѣ еще большій почетъ въ обществѣ. Въ пріемныхъ его собирались цѣлыя толпы кліентовъ. Одни являлись только на-поклонъ къ будущему консулу (salutatores). Другіе доводили преданность свою до сопровожденія оратора на форумъ (deductores). Наконецъ, третьи составляли свиту не-

¹ Cedant arma togae etc.

² Ср. *Henriot*, l. c. 110. Felices, quibus haec ipso cognoscere in actu, et tam facundo contigit ore frui etc.

измѣнявшихъ почитателей и всегдашнихъ спутниковъ (*assectatores*)¹. Богатство и почести награждали даровитаго и ловкаго адвоката «густая толпа, которая когда-то наполняла улицы, чтобы глядѣть на военные триумфы патриціевъ, сгараеть нетерпѣніемъ, ожидая краснорѣчивой защиты преступниковъ», говоритъ авторъ посланія къ Пизону. Если вѣрить панегиристамъ, то адвокаты, особенно импровизаторы, имѣли большую власть надъ судьями. «Гдѣ тотъ судья — замѣчаетъ поклонникъ адвоката Пизона — который могъ бы глядѣть безъ волненія на черты твои? Гдѣ тотъ, чья мысль не подчинится силѣ твоей?»². Заплачетъ судья, если прикажешь; будетъ веселъ противъ воли своей; твоя же рука зажжетъ гнѣвъ, котораго не было», и т. п.

Весьма возможно, что здѣсь немало той лести, которая доводится иногда до классической тонкости у римлянъ. Во всякомъ случаѣ, слова панегириста имѣютъ извѣстную долю исторической достовѣрности. Ихъ подтверждаютъ другіе источники. Писатели, объективность и безпристрастіе которыхъ не подлежатъ сомнѣнію, рисуютъ тѣми-же красками общественное значеніе римскихъ адвокатовъ. Если отвести Цицерона, какъ ратора и адвоката, то останется Тацитъ, адвокатъ, но ни мало не риторъ. Наконецъ, Валерій Максимъ называетъ нѣкоторыхъ адвокатовъ «властителями надъ форумомъ и сенатомъ»³. Клиенты, трибы, депутаціи отъ муниципій и отдаленныхъ городовъ

¹ Ср. Любопытное извлеченіе изъ посланія К. Цицерона къ М. Туллію. «*De petitione consulatus*». *Grellet-Dumazeau*, p. 27. Не менѣе характерно посланіе къ адвокату Пизону. Ср. *Henriot*. III. 112 etc.

² *Quis regit ipse suam, nisi per tua pondera, mentem etc.*

³ *L. Crassus apud iudices, quantus apud patres conscriptos Aemilius Scaurus... eratque sic fori, ut ille curiae, princeps etc.* *Henriot*, l. c. P. 122.

Италіи ликовали послѣ удачной защиты одного изъ любимыхъ своихъ адвокатовъ. «Интересъ суда былъ интересомъ римскаго народа», замѣчаетъ Тацитъ¹: «процессы Г. Корнелія, М. Скавра, Т. Милона, Л. Вестія и П. Ватинія происходили при такомъ стеченіи гражданъ, которое могло воодушевить самаго хладнокровнаго оратора».

Шестое и седьмое столѣтія отъ основанія Рима были лучшимъ временемъ въ республиканскомъ періодѣ адвокатуры. Судопроизводство и судоустройство достигли въ ту пору самаго полного развитія. Гражданскія тяжбы вѣдались преторами съ участіемъ специальныхъ юристовъ, которые помогали судьямъ. Безъ совѣщанія съ правовѣдами (*in consilium ire*) не постановлялось рѣшеніе по дѣлу (*ex animi sui sententia*). Возлѣ тяжущихся, въ свою очередь, находились юристы, то въ составѣ *advocatio*, когда подавали совѣты для самостоятельнаго дѣйствія сторонъ, то въ качествѣ патроновъ, когда произносили рѣчи и вступали въ словопренія (*disputatio fori*) за клиентовъ. Строгость законныхъ исковъ (*actiones legis*) уступила мѣсто органическому видоизмѣненію этой системы. Образовался формулярный процессъ; нельзя было довольствоваться однимъ произнесеніемъ словъ, установленныхъ для извѣстнаго иска закономъ. Судебныя дѣйствія тяжущихся значительно усложнились (*editio actio nis, postulatio actionis, interrogatio etc.*). Ходатайство (*postulatio*) передъ преторомъ (*in jure*) могло подготовить окончательное рѣшеніе присяжныхъ судей (*in judicio*). Такимъ образомъ изъ сущности формулярной системы вытекала усиленная потребность имѣть специальныхъ и даровитыхъ защитниковъ.

Въ уголовныхъ дѣлахъ, юрисдикція народныхъ собраній (по

¹ Dialog. de oratore. 37. 39. In plerisque judiciis crederet populus Romanus sua interesse quid judicaretur etc.

центуріамъ и трибамъ) отодвинулась на второй планъ передъ постоянными комиссіями (*quaestiones perpetuae*) и сенатомъ. Древній процессъ комицій, гдѣ по большей части говорили сами главные стороны, уступилъ мѣсто такому судопроизводству, которое не могло обойтись безъ участія защитниковъ. Шир кое развитіе обвинительнаго начала привлекло къ уголовному суду ораторское дарованіе адвокатовъ и спеціальныя свѣдѣнія юристовъ-консультантовъ. Самъ обвинитель долженъ былъ вести цѣлое слѣдствіе, подобно тому порядку, который существовалъ въ Греціи. Личный осмотръ и тщательный розыскъ слѣдовъ преступленія, вызовъ и допросы свидѣтелямъ — все это было дѣломъ гражданина, начинавшаго искъ. Публичныя власти оставались безучастными къ борьбѣ обвинителя противъ обвиняемаго. Преторъ ограничивался выдачею полномочія, которое облакало должною силою всѣ законныя дѣйствія при слѣдствіи. Но частный характеръ обвиненія не снималъ ответственности съ того лица, которое открывало преслѣдованіе. Однимъ изъ основныхъ положеній римскаго законодательства была необходимость представить основательныя доказательства; иначе, въ случаѣ потери иска, обвинитель подвергался болѣе или менѣе строгому наказанію. Отсюда понятно, что юридическія познанія и адвокатскія способности были насущною потребностью въ обвинительной части процесса. Ни сенатъ, ни присяжные и выборные судьи въ комиссіяхъ не давали хода обвиненію, если оно не поддерживалось убѣжденіемъ краснорѣчія и силою доказательствъ. Мало этого: параллельно съ дѣйствіями обвинителя развивалась система защиты. Римскій процессъ съ безусловною логикою провелъ начало гласности. Всѣ мѣры слѣдствія были открытыми, и за ними зорко слѣдилъ обвиняемый. Каждому осмотру, каждому допросу свидѣтелей противопоставлялось возраженіе. Такимъ образомъ, состязаніе между обвиненіемъ и защитой могло начаться гораздо дальше и ранѣе суда на форумѣ, въ одной изъ

отдаленнѣйшихъ провинцій, гдѣ проконсулы, въ родѣ Верреса, на-долго оставляли слѣды своего управленія. Цѣлью защиты въ этомъ случаѣ было: убить процессъ въ зародышѣ, ослабивши доказательства, и спутать ходъ обвиненія.

Теперь яснѣе, почему учрежденія, построенныя на такихъ началахъ, требовали усиленнаго содѣйствія адвокатовъ на всѣхъ ступеняхъ процесса, отъ вчинанія уголовного иска (*denuntiatio*) до послѣдняго слова въ заключительномъ состязаніи защитниковъ (*altercatio*) передъ членами постоянной коммисіи. Сенатъ римскій, имѣвшій обширную юрисдикцію надъ провинціями, въ одинаковой степени допускалъ судебную защиту подсудимыхъ. Мало этого: римскіе граждане прибѣгали къ пособію адвокатовъ даже въ томъ случаѣ, когда шли на судъ цензора.

При подобныхъ законахъ, нравахъ и понятіяхъ возникла римская адвокатура. Понятно почему, какъ замѣчено выше, учрежденіе это могло выдти изъ первичной формы, въ которую облечена была судебная защита у другихъ народовъ. Ясно, отчего, вскорѣ послѣ закона XII таблицъ, граждане, у которыхъ не было свѣдущихъ родственниковъ и друзей, чтобы сопровождать ихъ на судъ, легко находили защитниковъ. Цицеронъ имѣлъ нѣкоторое основаніе величать «благороднымъ и даже царственнымъ дѣломъ» римскую адвокатуру республиканскаго періода¹. Такія слова — не реторическая фраза, уже по той причинѣ, что однажды между кліентами знаменитаго оратора почтительно стоялъ царь армянскій. Нигдѣ не было подобной среды для общественнаго значенія адвокатуры. Немудрено, если учрежденіе это сдѣлалось могущественною силою въ государствѣ. Все, что было знатнаго, даровитаго и честолюбиваго,

¹ De oratore, 1. 8. Quid tam porro regium, tam liberale, tam munificum, quam opem ferre supplicibus, excitare afflictos, dare salutem, liberare periculis, retinere homines in civitate? etc.

ваго между гражданами, не проходило инымъ путемъ къ политическому поприщу. Клавдіи, Корнеліи, Юліи и Антоніи съ особеннымъ почтеніемъ ставили между пенатами статуи ораторовъ, которые вышли изъ именитыхъ семействъ ихъ. Цезарь былъ основательнымъ юристомъ и талантливѣйшимъ адвокатомъ. Катонъ, изжившій вѣкъ свой на форумѣ, одобрительно глядѣлъ на молодежь, которая спѣшила обновить удачною рѣчью только-что надѣтую тогу. Сами цезари непослѣдовательно гордились успѣхами своими на судебной трибунѣ, которую создала республика.

Вспомнимъ теперь то положеніе, въ которомъ находилась греческая адвокатура при своеобразномъ развитіи аѳинской демократіи. Противопоставимъ запрещенію судебной защиты законъ, которымъ требовалась помощь адвоката въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ. Приравнимъ аѳинскаго логографа или синегора къ Л. Крассу, Пизону, Гортензію и другимъ ораторамъ, снискавшимъ славу и вліяніе одною адвокатурою. Намъ представляются самыя противоположныя явленія въ историческомъ развитіи однородныхъ учреждений у единоплеменныхъ народовъ. Уяснится то, въ чемъ скрывается различіе греческой и римской адвокатуры. Правымъ останется Цицеронъ, который замѣтилъ контрастъ, и невѣрны мнѣнія, будто аѳинское учрежденіе могло служить образцомъ для Рима¹.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, можно обратиться къ нѣкоторымъ частностямъ. Существовала ли въ республиканскомъ Римѣ корпоративная связь между адвокатами, и на-сколько участвовала законодательная власть въ постепенномъ развитіи учрежденія? Отъ половины VI до начала VII-го столѣтія по основаніи Рима, издано было много постановленій по судо-

¹ *Dupin, Prof. d'avocat, p. 28. Telle fut la discipline du barreau d'Adthènes qui servit de modèle à celui de Rome.*

устройству и процессу. Законы Кальпурнія, Пизона, Семпронія, Сервилія, Ливія, Плавція и Помпея разрѣшили не мало важныхъ вопросовъ. Нужно было опредѣлить, кому владѣть судебною властью: цѣлому народу, какъ въ Греціи, или привилегированнымъ сословіямъ? Извѣстно, что борьба между сенаторами и всадниками окончилась установленіемъ смѣшанныхъ списковъ присяжныхъ изъ двухъ олигархическихъ классовъ, съ прибавленіемъ болѣе демократическаго элемента (*tribuni aequarii*). Законодательство VII-го столѣтія специализировало и усовершеншало отправленіе уголовного правосудія, раздѣливши его между юристами (преторами съ ихъ засѣдателемъ) и представителями народа (въ лицѣ присяжныхъ). Но напрасно стали бы мы искать, въ длинномъ ряду этихъ постановленій, правительственныхъ мѣръ къ корпоративному устроенію адвокатуры. Образованіе постоянныхъ и специальныхъ судовъ привлекло къ извѣстнымъ пунктамъ многочисленныя и важныя дѣла. Богатая практика уголовныхъ комиссій должна была собрать защитниковъ вокругъ опредѣленныхъ центровъ. Но не видно корпоративнаго соединенія между адвокатами. Важныя перемены въ социальныхъ отношеніяхъ прямо и рѣшительно подѣйствовали на политическіе вопросы суда и управления государствомъ; но устройство адвокатуры не попало въ очередь. Учрежденіе разрослось какъ и возникло, само собою, такъ-что адвокатуру республиканскаго періода можно называть произведеніемъ обычая, но не писаннаго права. Законодательство, болѣе косвенно, чѣмъ прямо, вліяло на положеніе защитниковъ. Это ясно изъ исторіи судоустройства и процесса. Новый порядокъ правленія и судебной юрисдикціи создалъ лишь болѣе выгодныя условія для адвокатской профессіи, которая успѣшила воспользоваться ими, подобно тому, какъ возникаетъ и развивается, при благоприятномъ вліяніи среды, органическая жизнь въ природѣ.

И такъ, вліяніе законодательной власти на корпоративное устройство адвокатуры сводится къ отрицательному результату.

Но остается еще одна, болѣе загадочная и не менѣ любопытная, сторона въ этомъ вопросѣ. Если законодательство не коснулось своею регламентаціею учрежденія, которое заняло такую видную роль въ государствѣ: что-же помѣшало самымъ адвокатамъ образовать изъ себя отдѣльное общество? Духъ римскаго права никогда не исключалъ товариществъ и ассоціацій въ государствѣ. Цицеронъ и Гортензій дружелюбно сходились на собраніяхъ авгуровъ, коллегія которыхъ приняла знаменитыхъ адвокатовъ въ число своихъ членовъ¹. Но нигдѣ не видно коллегіальныхъ отношеній между тѣмъ и другимъ, какъ органами римской адвокатуры. Въ цѣлой латинской литературѣ до сихъ поръ не отыскано никакихъ указаній на періодическія совѣщанія между старѣйшими представителями сословія по вопросамъ дисциплины и подготовленія молодыхъ защитниковъ. И только три раза встрѣчаются у Цицерона выраженія, которыя можно принять за слабый намекъ объ автономическихъ обычаяхъ адвокатовъ².

Съ великою осторожностію можно коснуться такого страннаго явленія. Здѣсь естественно возникаетъ нѣсколько соображеній. Если адвокатура сложилась преимущественно путемъ обычая, по требованію настоятельныхъ нуждъ практики, то она могла, долгое время, существовать одною внутреннею силою преданія. Внѣшнія, искусственныя мѣры — лишнее дѣло для организма, въ которомъ нетронуто свѣжее могущество жизни. Отъ незапамятныхъ временъ установилась профессія, которая признана закономъ. На адвокатуру, какъ вольное занятіе граж-

¹ *Cicero*, «*Brutus*». I, 1. *Interitu talis auguri (Hortensii) dignitatem «nostri collegii» deperitutam docebam etc.*

² Подлинный текстъ изъ рѣчей Цицерона, которыя касаются этого вопроса, можно найти у Дюмаздъ, I. с. 70.

данъ, перенесена была правами римлянъ санкція XII таблицъ (*sacer esto*), закрѣплявшая отношенія древняго патрона къ кліенту. Опираясь на примѣръ другой, не менѣе свободной профессіи (ученыхъ правовѣдовъ), адвокатура не находила побужденій замыкаться въ коллегію или корпорацію. Въ теченіе цѣлыхъ столѣтій дѣйствовали люди, подобные Сцевольт, Манлію, Сервію и многимъ другимъ, не образуя изъ себя общества присяжныхъ юрисконсультовъ. Каждый гражданинъ долженъ былъ изучать законы; — изъ среды народа происходилъ постоянный приливъ новыхъ соковъ къ старому корню. Между правовѣдами установилась связь, которая переходила къ послѣдующимъ поколѣніямъ. Сильное нравственнымъ и умственнымъ единствомъ, сословіе юристовъ не знало иной розни, кромѣ ученыхъ споровъ. Между правовѣдами возникали школы съ тѣмъ или другимъ направленіемъ въ наукѣ; но не было попытокъ организовать изъ себя отдѣльное общество. Римскій гражданинъ, которому республиканскій порядокъ усвоилъ важныя политическія права, не нуждался, какъ обыватель средневѣковой общины, въ защитѣ цеха или корпораціи. Свобода и достоинство юридическаго труда были дѣломъ, а не пустымъ словомъ.

Тѣ-же самыя причины, и быть можетъ въ усиленной степени, повліяли на устройство адвокатуры въ римскомъ государствѣ. Не безразличны здѣсь законы судопроизводства, построеннаго на абсолютныхъ началахъ гласности и частнаго обвиненія. Каждый гражданинъ, удовлетворявшій незначительному цензу, могъ обвинять на судѣ. До императоровъ, не было попытокъ установить официальное преслѣдованіе преступленій. Римляне не знали даже тѣхъ государственныхъ ораторовъ (синдиковъ), которые составляли исключеніе изъ сходнаго правила (частнаго обвиненія) у грековъ. Всѣ даровитые люди въ Римѣ начинали свое ораторское поприще обвинительными рѣчами. Дѣятельность эта была лучшею подготовкою для роли

защитника. Но безграничная публичность юридической жизни представляла другія, болѣе прямыя средства къ изученію адвокатскаго дѣла. Выше было указано, какъ открыто подавали свои мнѣнія знаменитые правовѣды. У воротъ домовъ ихъ и на площади кипѣла такая-же дѣятельность, какая оживляла историческую залу «потерянныхъ шаговъ» (*salle des pas perdus*) во французскомъ парламентѣ. Стоило только присутствовать при консультаціяхъ Муція Сцеволы или Манилія, чтобы теоретически подготовить себя къ адвокатурѣ. Но тутъ-же, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ публичной школы правовѣдѣнія, возвышалось курульное кресло претора надъ скамьями присяжныхъ судей. Противъ мѣста сановника, легко было замѣтить тоги защитниковъ, которые произносили свои рѣчи. Засѣданіе суда окружалось «вѣнцомъ изъ народа», по извѣстному выраженію Цицерона¹. Здѣсь представлялась оживленная практика адвокатуры. Талантливому юношѣ можно было изучать правила и приемы профессіи, при полномъ свѣтѣ, какъ говоритъ въ сочиненіи объ ораторѣ Тацитъ², не нуждаясь въ особой залѣ для конференцій у современныхъ адвокатовъ.

Всѣ выгоды были на сторонѣ подобнаго способа знакомиться съ занятіемъ, которому такъ охотно посвящали себя римляне. При строгомъ контролѣ многочисленной аудиторіи, одно истинное дарованіе пожинало серьезные лавры. Не даромъ говоритъ Тацитъ, что, на форумѣ, адвокатское краснорѣчіе «выставляло живое лицо, но не образъ свой передъ народомъ»³. Безгра-

¹ *Corona consessus cinctus etc.*

² *Media in luce etc.*

³ *Dial. de orat. 34.* Это одна изъ прекраснѣйшихъ страницъ классическаго разсужденія, гдѣ съ замѣчательнымъ талантомъ очерчено положеніе римской адвокатуры. «*Ita nec praeceptor decerat, optimus quidem et electissimus, qui faciem eloquentiae, non imaginem praestaret; nec adversarii et aemuli, ferro non rudibus dimicantes*» etc.

ничная свобода частнаго обвиненія у римлянъ совершенно-логично стоитъ возлѣ такой-же свободы въ защитѣ. Долгъ каждаго гражданина подымать искъ противъ нарушителя законовъ уравновѣшенъ правомъ каждаго способнаго человѣка отстаивать своихъ согражданъ. Вольная, общедоступная прокуратура тѣсно связана съ такою-же адвокатурой. Неудивительно, если защитники подсудимыхъ не пытались подчинить свою дѣятельность условіямъ корпоративнаго союза.

Слѣдуетъ ли отсюда, что адвокаты республиканскаго періода остались анархическимъ классомъ, — что у нихъ вовсе не было единства въ основныхъ правилахъ, способахъ и цѣляхъ профессіи? Едва-ли. Не смотря на отсутствіе корпорации и писаннаго устава, подобнаго явленія не могла допустить сила, особенно могущественная въ Римѣ: преданіе.

Изъ далекой древности, предупредившей Флавія и Элія Секста, дошли до эпохи Цицерона аристократическія понятія о бесплатной защитѣ подсудимыхъ. Можно сказать, что понятіе это осталось высшимъ, идеальнымъ началомъ, къ которому старались приблизиться лучшіе представители римской адвокатуры. Плиній младшій высказывается въ пользу безусловнаго безкорыстія. Исторіи извѣстно, какъ честно проводилъ онъ въ жизнь теоретическое правило своей профессіи. Само законодательство проникалось строгимъ началомъ этимъ. Подтвержденіемъ можетъ служить мѣра трибуна Алимента Цинція¹. Такимъ образомъ коренное правило опредѣляло одинъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ для профессіи. Значить, нѣтъ основанія говорить объ анархическомъ состояніи республиканской адвокатуры.

¹ См. о законѣ А. Цинція *T. Livius*, XXXIV, IV; *Cicero*, *De oratore*, II, 71; *Taciti*, *Annal.* VI, 5; XV, 20. Прекрасный историческій этюдъ находится у *Савиньи*, *Zeitschrift für die geschichtliche Rechtswissenschaft*, IV B.

Можно даже посмотрѣть съ другой стороны на дѣло и сказать, что правило о бесплатной защитѣ страдало непрактическою строгостью. Такой идеализмъ не оправдывался ни сущностью дѣла, ни исторіей. Еще Савиньи доказалъ, что защита патриція не была даровою, такъ-какъ самый законъ требовалъ отъ кліента извѣстныхъ услугъ для патрона. Гораздо труднѣе было провести идеальное начало, когда защита изъ аристократической монополіи, перешла въ свободное занятіе. Здѣсь сами патриціи получали вознагражденіе, если не деньгами и подарками, то подачею голоса на выборахъ. Извѣстенъ разсказъ Валерія Максима о незащѣнчивомъ патронѣ (К. Фигулъ), который отказался давать совѣты кліентамъ, неумѣвшимъ избрать его въ консулы. Возмездный характеръ адвокатуры опредѣлился еще яснѣе, когда къ юридической консулѣтаци и защитѣ привлечены были неименитые и небогатые люди. Здѣсь оказались неизбѣжными тѣ договоры о платѣ (*merces, stipes advocatium, honorarium, palmarium, solatium, xenium etc.*) противъ которыхъ возстаетъ между прочимъ Квинтиліанъ (онъ называетъ адвокатскіе договоры о платѣ разбойничьимъ обычаемъ — *piraticus ille mos paciscendi*).

Древній способъ награждать адвокатовъ пальмами (отсюда *palmarium*, какъ одинъ изъ терминовъ адвокатской платы) сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ идиллическаго преданія о золотомъ лѣвкѣ. Въ дѣйствительности, римляне болѣе всего жили для богатства и честолюбія. Когда успѣхи оружія начали стягивать къ Капитолію золото отъ всего міра, адвокатура презрительно откинула идеальное правило о даровой защитѣ. Трудно было достигнуть безкорыстія одному сословію, когда все общество и само правительство съ жадностью бросилось грабить покоренныхъ! Есть поводъ предполагать значительныя злоупотребленія между адвокатами VI столѣтія. Сенаторы и знатные люди, наравнѣ съ безродными и нищенствующими клезуниками, обирали

своихъ кліентовъ. И здѣсь-то было историческое основаніе строгому закону А. Цинція¹.

Что касается VII столѣтія, то знаменитости этого періода (не исключая Цицерона) не всегда соблюдали строгость цензора Катона и трибуна Алимента Цинція. Полагаютъ, что Маркъ Туллій не взялъ денежнаго гонорара за защиту сицилійцевъ противъ Верреса, а роздалъ народу громадное количество пшеницы, которую прислали ему кліенты. Но, во 1-хъ, щедрая и своевременная подачка черни могла пригодиться въ избирательныхъ комиціяхъ. Во 2-хъ, потомству извѣстна любовь знаменитаго адвоката къ завѣщаніямъ и легатамъ отъ богатыхъ кліентовъ. Да и какъ было собрать безродному гражданину (homo novus) колоссальное состояніе въ 20 милліоновъ сестерцій?

Нужно впрочемъ сознаться, что тонкая натура Туллія никогда не принижалась до грубаго вымогательства. Ему было понятно то нравственное правило, которое позже вошло въ дигесты Юстиніана, какъ основное начало законодательства о гонорарѣ². Самые злые враги, со включеніемъ Саллюстія, не приписываютъ Цицерону преступленій въ родѣ поддѣлки фальшивыхъ завѣщаній. Подобными дѣлами очернены имена другихъ адвокатовъ: Л. Красса и Гортензія, неразборчиваго защитника Верреса. Одинаково невозможны были для изящнаго оратора тѣ способы увеличивать свой гонораръ, которыми справедливо возмущалась благородная душа Плинія младшаго. Наконецъ, за Цицерона говорить открытое признаніе собственныхъ недостат-

¹ Ср. вышеуказ. главу у Ливія, гдѣ прямо говорится, что народъ сдѣлался податною челядью патриціевъ. Полный текстъ цинціева закона неизвѣстенъ. Но Тацитъ, въ *Анналахъ*, такъ выражаетъ статью, которая касается адвокатовъ: «Ne quis ob causam orandam donum munusve accipiat» (VI, 5).

² Dig. de extraordin. cognitione: Quaedam enim tametsi honeste accipiantur, inhoneste tamen petuntur.

ковъ. Сочиненіе «объ обязанностяхъ» представляет скромную исповѣдь блестящаго адвоката: «Кто изъ насъ не предпочтетъ защиту богатаго и сильнаго кліента дѣлу честнѣйшаго, но бѣднаго человѣка? Расположеніе наше почти всегда клонится туда, откуда можно надѣяться на болѣе вѣрное и скорое полученіе хорошей платы»¹.

Изъ всего этого видно, что вопросъ объ адвокатскомъ гонорарѣ занималъ государственныхъ людей и лучшихъ адвокатовъ въ республиканскомъ періодѣ Рима. Профессія была поставлена въ зависимость отъ закона, безусловно исключавшаго всякое возмездіе за трудъ защитника.

Отсюда уклоненіе отъ идеально-строгаго предписанія и возникновеніе обычая, общаго для всѣхъ адвокатовъ: получать гонораръ по соглашенію съ кліентомъ. Въ высшемъ основаніи своемъ, обычай этотъ сводился къ тому правилу, которое позже принято въ преторскомъ эдиктѣ, гдѣ безусловно запрещено одно вымогательство со стороны адвокатовъ.

И точно, гонораръ, который взять за честный трудъ, не можетъ считаться униженіемъ профессіи. Неодолимая сила жизненныхъ отношеній придаетъ промысловый характеръ адвокатурѣ всѣхъ временъ и народовъ. Лишь предразсудокъ или особенныя историческія обстоятельства вызываютъ ложный и опасный стыдъ передъ вознагражденіемъ. Но адвокаты ничего не теряютъ, если станутъ смотрѣть на дѣло съ прямой точки зрѣнія. Тогда будутъ устранены крайности безкорыстія на словахъ и хищной жадности на дѣлѣ. Никакое правительство не можетъ выслѣдить частныхъ отношеній между защитникомъ и кліентомъ. Никакое законодательство — какъ доказала это мѣра

¹ Quis est tandem, qui inopis et optimi viri causae non anteponat, in opera danda, gratiam fortunati et potentis? A quo enim expeditior et celerior remuneratio fore videtur, in eum fere est voluntas nostra propentior etc.

Цинція — не властно убить экономическую сторону вопроса. Лучшим средством против злоупотреблений будет такое устройство, при котором строгая внутренняя дисциплина соединится съ виѣшнею независимостью адвокатуры.

Изъ той-же отдаленной древности, которая передала мысль о даровой адвокатурѣ, могло дойти къ концу республиканскаго періода правило объ обязательной защитѣ, по назначенію судей. Законъ XII таблицъ подвергалъ тяжкому послѣдствію (*sacer esto*) всякое нарушеніе договора о патронатѣ. Отсюда легко возникнуть правилу, что ни одинъ кліентъ не является на судъ безъ патрона, какъ законнаго своего защитника¹. На основаніи нѣкоторыхъ замѣчаній у Цицерона и Плинія, весьма серьезные писатели допускаютъ обычай обязательной защиты въ ту пору, когда возникла вольная адвокатура въ Римѣ. Греллѣ-Дюмаздъ полагаетъ, что «въ нѣкоторыхъ городахъ officialное назначеніе защитниковъ имѣло мѣсто для всѣхъ подсудимыхъ, съ правомъ послѣднихъ избирать одного изъ нѣсколькихъ адвокатовъ»². Оставляемъ такое заключеніе о формѣ защиты по назначенію судей на отвѣтственности почтеннаго автора; но можно склоняться къ тому предположенію, что эдиктъ не опирался на одну стоическую философію, когда произнесъ знаменитое правило свое устами Ульпіана³. Зная методъ, по которому слалось «преторское право», всегда есть основаніе

¹ Слѣды этого древняго правила видны въ Дигестахъ (*De iudiciis publicis, lib. 1*): «*Si in capitali causa suum servum... quis non defenderit... non eum pro derelicto haberi*» etc. Последнее смягченіе (*non eum pro derelicto etc.*) относится только ко времени Маркіана, раньше котораго можно предполагать иное, болѣе строгое, послѣдствіе. Далѣе, въ томъ-же отлѣлѣ (*De publ. jud. lib. 10*) читаемъ мы слѣдующее: «*Servus etiam per procuratorem domini, aequae ac dominum, defendi posse*». Ср. *Dig. lib. 48. Tit. 1*.

² Ср. *Grellet-Dumazeau, l. c. p. 84*. — *Cicer. pro Murena, 2, 3, 4*.

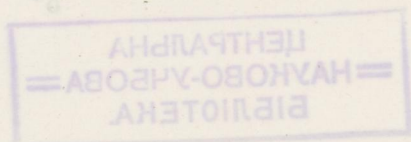
³ *Si non habebunt advocatum, ego dabo etc.*

допускать болѣе сильное вліяніе положительныхъ учрежденій и обычаевъ въ различныхъ частяхъ римскаго государства. Едва-ли постановленіе объ официальной защитѣ, по назначенію судей, могло явиться результатомъ отвлеченнаго мышленія у такихъ практическихъ людей, какими были римскіе юристы. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, въ концѣ республиканскаго періода, адвокатура имѣла то важное правило о защитѣ подсудимыхъ по назначенію судей, которое получило полную силу въ позднѣйшемъ законодательствѣ.

Изъ писемъ Плинія младшаго можно заключить, что республиканскому періоду принадлежатъ первыя попытки опредѣлить условія для поступленія въ адвокаты и ограничить въ этомъ отношеніи безусловно-вольный характеръ профессіи. Указывая на безпорядки и злоупотребленія отъ вторженія бездарныхъ и безчестныхъ людей въ адвокатуру, Плиній ссылается на незапамятный обычай, по которому никто не допускался къ защитѣ безъ рекомендаціи извѣстныхъ лицъ, отставныхъ консуловъ или консуляровъ¹. Нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ показаніи знаменитаго писателя. Значить, въ республиканскомъ періодѣ было правило, нѣсколько сходное съ тѣмъ торжественнымъ представленіемъ молодаго защитника, которое принимали на себя во Франціи старшіе и почетные члены адвокатскаго общества.

Но изъ словъ Плинія нельзя сдѣлать рѣшительнаго вывода о дисциплинарной власти республиканскихъ судовъ надъ адвокатами. Излагая дѣло о преступленіи защитника (Номината), взявшаго деньги съ кліентовъ (жителей Виченцы), но не явившагося къ защитѣ, Плиній не объясняетъ, на чемъ основано

¹ Epistola II, 14: At hercule ante memoriam meam (ita majores natu solent dicere), nobilissimis quidem adolescentibus locus erat, nisi aliquo consulari producente etc.

предложеніе одного изъ сенаторовъ о пятилѣтнемъ запрещеніи виновному заниматься адвокатурой. Не видно, когда установлено такое правило: при первыхъ ли императорахъ, или раньше, въ республиканскѣмъ періодѣ¹.

До преторскаго эдикта, вошедшаго въ сводъ Юстиніана, неизвѣстно ни одного постановленія, которымъ запрещалась бы адвокатура для лицъ, страдающихъ извѣстными физическими недостатками. Но можно предположить, что сама сущность дѣла, раньше императорскаго законодательства, навела на мысль о невозможности судебного ораторства для глухихъ или слѣпыхъ людей. И республиканскій преторъ могъ уже заключить, что подобный адвокатъ не услышитъ приговора, или не увидитъ прекращенія засѣданія. Поэтому есть основаніе думать, что правила, опредѣленные въ III-мъ столѣтіи по Р. Х., опирались на судебные обычаи изъ болѣе ранняго времени. По видимому, дигесты прямо указываютъ на прецедентъ, который, еще въ республиканскомъ періодѣ, подалъ поводъ установить запрещеніе адвокатуры для слѣпыхъ².

По нѣкоторымъ скандальнымъ процессамъ, по глубокой безнравственности многихъ знаменитыхъ адвокатовъ и государственныхъ людей, можно сомнѣваться, существовало ли въ республиканскомъ періодѣ запрещеніе эдикта, внесенное въ пандек-

¹ Плиній, замѣтивши, что «*insurgunt Patres flagitantque iudicium*», приводитъ слова сенатора, предложившаго наказаніе: «*Interdici ei advocacionibus in quinquennium*». Но не видно связи, какъ въ предыдущемъ случаѣ, съ незапамятнымъ обычаемъ изъ республиканскаго періода.

² Ср. Dig. De postulando: «*Refert etiam Labeo, Publium Caecum... aversa sella, a Bruto destitutum, cum vellet postulare*» etc. Тамъ-же: «*Propter casum, surdum prohibet... Nec erat permittendum ei postulare qui decretum praetoris exaudire non poterat, quod etiam ipsi periculosum futurum*» etc.

ты¹. Въ сводѣ Юстиніана помѣщены лишь слова претора, безъ указанія времени и обстоятельствъ, которыя вызвали постановленіе. Но юліевъ законъ о взяточникахъ касается, кромѣ судей, и адвокатовъ². Запрещеніе адвокатской практики женщинамъ внесено въ преторскій эдиктъ подъ вліяніемъ прецедентовъ изъ республиканскаго періода. Дигесты ясно указываютъ, что поводомъ послужила безсовѣстность одной римлянки, которая вела многочисленные и кляузные процессы въ эпоху Цицерона, Гортензія и другихъ знаменитыхъ ораторовъ³. До второй половины послѣдняго вѣка республики, извѣстно нѣсколько случаевъ женской адвокатуры. Блестящій талантъ обнаружила дочь Гортензія. Первый случай, когда на судебную трибуну взошла женщина, до-того озадачилъ квиритовъ, что отпращена, была депутація въ Дельфы. По вѣдѣнію вѣроятіямъ, отвѣтъ оракула не разрѣшилъ вопроса, такъ-какъ, до проступковъ Афраніи, сенатъ и цензоры допускали адвокатуру женщинъ. Въ періодъ доносовъ и процессовъ объ оскорбленіи величества, римлянки съ большимъ рвеніемъ вписывали свои имена въ разрядъ помощниковъ главнаго обвинителя (*subscriptores*).

По тѣмъ-же соображеніямъ, которыя представлены выше, когда говорено было о физическихъ недостаткахъ, можно отнести къ республиканскому періоду происхожденіе правила о совершеннolѣтіи. Здравый смыслъ долженъ былъ очень рано привести къ заключенію, что крайняя молодость несовмѣстима съ важною обязанностью адвоката. Въ этомъ совершенно убѣждаютъ тѣ извлеченія изъ Цицерона, которыя помѣщены въ по-

¹ Ср. Dig. De postulando. О неопущеніи къ адвокатурѣ людей, «*qui corpore suo muliebria passi sunt*».

² Dig. lib. 48. «*Haec lege damnatus testimonium publice dicere, aut iudex esse postulare ne prohibetur*».

³ Ibidem. Origo vero introducta a Caja Afrania, improbissima foemina etc.

ченномъ трудѣ Дюмазô¹. Примѣры публичныхъ рѣчей, произнесенныхъ несовершеннолѣтними римлянами изъ знатныхъ и цезарскихъ фамилій, не имѣютъ никакого отношенія къ судебному ораторству. Нѣтъ однако-же яснаго правила — съ какого возраста начиналось адвокатское совершеннолѣтіе. Остается обратиться къ исторіи, которая показываетъ, что, въ большинствѣ случаевъ, первыя рѣчи адвокатовъ произносились въ періодъ отъ 19-ти до 22-хъ лѣтъ. Тацитъ говоритъ, что Л. Крассъ защищалъ, на девятнадцатомъ году, Г. Карбона; Цезарь, 21-го года, былъ адвокатомъ у Долабеллы и т. д.² Но изъ обычая, по которому молодые люди старались произносить рѣчи сейчасъ-же по замѣнѣ тоги-претексты гражданскою тогою, есть основаніе заключать, что адвокатское совершеннолѣтіе начиналось двумя годами прежде самаго ранняго срока въ примѣрахъ Тацита.

Любопытно, что самыя сильныя нападенія сатириковъ и жалобы другихъ писателей на недозрѣлыхъ адвокатовъ относятся къ императорскому періоду. Выше представлено строгое мнѣніе Плинія о несовершеннолѣтнихъ защитникахъ, которые, по замѣчанію въ другомъ письмѣ автора, «мгновенно мудрѣютъ, мгновенно пріобрѣтаютъ ученость, ни кого не уважаютъ, ни кому не подражаютъ и служатъ сами себѣ примѣромъ»³. Что касается республиканской эпохи, то изъ этого времени извѣстенъ обычай рано и серьезно подготавливаться къ адвокатскому поприщу⁴. Цицеронъ рассказываетъ о себѣ, что его, еще мальчикомъ, при-

¹ Pro Roscio Amerino, 57.

² Tac., Dial. de oratore. 34. Nonodecimo aetatis anno Luc. Crassus G. Carbonem etc.

³ Epistolar. lib. VIII.

⁴ Tacit. l. c. Ergo apud majores nostros juvenis ille qui foro et eloquentiae parabatur, imbutus jam domestica disciplina, refertus honestis studiis, deducebatur a patre vel a propinquis ad eum oratorem qui principem in civitate locum obtinebat etc.

вели къ Муцію Сцеволю, гдѣ онъ оставался до смерти великаго законовѣда, а потомъ перешелъ подъ руководство понтифекса, родственника Сцеволы. Обязанностью молодого человѣка было съ сосредоточеннымъ и почтительнымъ вниманіемъ слѣдить за толкованіемъ законовъ на консультаціяхъ, о которыхъ сказано выше¹. Иногда руководители устраивали примѣрные процессы, допуская, по методу греческихъ риторовъ, пренія на вымышленные случаи. Въ началѣ втораго вѣка по Р. Х., признавалась глубокая древность за такимъ обычаемъ. Панегиристы восхваляютъ нѣкоторыхъ адвокатовъ за то, что они принимали участіе въ подготовительныхъ преніяхъ молодыхъ ораторовъ. Но выше уже указано, что здѣсь дѣло идетъ объ отдѣльныхъ личностяхъ, по-мимо совѣта или собранія изъ представителей цѣлаго сословія.

Есть основаніе предполагать, что иногда опытные и знаменитые адвокаты принимали молодыхъ юристовъ въ товарищи для публичной защиты дѣла. По причинамъ, которыхъ коснулись мы выше, сами теоретики полагали лучшею школою серьезное состязаніе на форумѣ. Невозможно съ точностью опредѣлить время, которое считалось необходимымъ для подготовленія, или искуса. Но еще въ XVII-мъ столѣтіи, ученый Ларошъ-Флавенъ предполагалъ дѣйствіе пифагоровскаго правила о двухъ-лѣтнемъ срокѣ².

Извѣстенъ также обычай у римлянъ — начинать ораторское

¹ Здѣсь адвокаты дѣйствовали по правилу Платона: *Principium scientiae est stupere*. Вліяніе этихъ понятій заходитъ весьма далеко. Писатель XVII вѣка (*Ларошъ-Флавенъ*, *Les 13 Livres sur les Parlements* (1617), говоритъ слѣдующее: «Les outres vides sont pleines de vent; à mesure que le vin ou l'huile y entrent, le vent en sort» etc. pp. 262, 263).

² *Laroche Flavin*, l. c. p. 240 etc. По-видимому съ нимъ соглашается *Henriot*, l. c. III. p. 213.

поприще обвинительною рѣчью. Особенность судопроизводства, не знавшаго официальной прокуратуры, объясняетъ отчасти такое предпочтеніе со стороны молодыхъ талантовъ. При постоянной борьбѣ политическихъ партій, при многочисленности публичныхъ преступленій въ VII-мъ и VIII-мъ столѣтіи отъ основанія Рима, матеріалы для основательнаго обвиненія должны были встрѣчаться чаще, чѣмъ для такой-же защиты. Съ другой стороны, при строгости общественнаго мнѣнія, молодые люди охотнѣе пробовали силы на такомъ родѣ краснорѣчія, который считался болѣе легкимъ у римлянъ. Самые видные авторитеты въ дѣлѣ ораторскаго искусства находили, что обвинять удобнѣе, чѣмъ защищать, подобно тому, какъ легче нанести, чѣмъ излѣчить рану. (По внимательномъ соображеніи дѣла, едва-ли можно и въ наше время возражать противъ такой истины). Талантливая защита дѣлъ, особенно уголовныхъ, считалась вѣнцомъ ораторскаго искусства. Политическій характеръ судебной власти, которая переходила въ руки различныхъ партій, много содѣйствовалъ подобному взгляду на уголовные процессы. При каждомъ новомъ случаѣ проконсульскаго грабежа, ставился вопросъ: кто кому нанесетъ смертельный ударъ — сенаторы всадникамъ, или на-оборотъ? Понятенъ жаръ Цицерона въ дѣлѣ Верреса, и ясны похвалы, которыя расточаетъ онъ уголовной адвокатурѣ. По его мнѣнію, «нѣтъ лучшаго наслажденія, какъ освободить невиннаго, направить къ добру безучастную толпу, предотвратить ошибки народа, зажечь гнѣвъ противъ дурныхъ, смягчить раздраженіе противъ добрыхъ гражданъ»¹.

¹ *Cic. De orat. 1.* — У Тацита (*Dial. de orat. 5, 6*) встрѣчается совершенно-сходное мнѣніе о значеніи уголовной защиты: «si ad utilitatem vitae omnia consilia factaque nostra dirigenda sunt, quid est tutius quam eam exercere artem qua semper armatus praesidium amicis, opem alienis, salutem pereclitantis... ferat? etc.